Главврач

Автор:
Андрей Шляхов

Главврач

Андрей Левонович Шляхов

В этой книге рассказывается о поиске Пути, достижении Хрустальной Мечты и обретении Настоящей Любви на примере молодого амбициозного врача, переехавшего в Москву из Самарканда накануне развала Советского Союза. Впрочем, Советский Союз здесь совсем не при чем… Речь идет о превратностях судьбы, которые тернистым и окольным путем привели будущего лауреата Нобелевской премии туда, куда они его привели.

Главврач – это не должность.

Главврач – это не судьба.

Главврач – это диагноз.

Андрей Шляхов

Главврач

(Дни и будни доктора Ива?нова)

Моему другу Гугеноту

«Жизнь – это больница, в которой каждый пациент мечтает стать главным врачом»

Высказывание, приписываемое Конфуцию

Глава первая

Москва бьет с носка и от этого тоска

Московскую аспирантуру Костику устроила бабушка Аполлинария Осиповна, лучшая няня Самарканда. В городе, где на вывесках можно было увидеть «МАЛАКО», «МЯСЫ-КАЛБАСА» или «ХИЛЕП» (последнее, правда, только на автовокзальном ларьке, торговавшем лепешками), грамотные няни, в совершенстве владеющие русским языком, ценились очень высоко. А бабушке вообще не было равных, поскольку она не просто присматривала за своими подопечными, но и занималась их развитием. Многие ее воспитанники шли сразу во второй класс, поскольку в первом им делать было нечего, а одна особо одаренная девочка, с которой бабушка дошла до десятичных дробей, начала учебу в школе с четвертого класса, о чем написали в главной местной газете «Ленинский путь». Пускай мелким шрифтом и на последней странице, но все равно реклама получилась замечательной, несмотря на то что бабушкино имя в заметке не упоминалось. А зачем упоминать? Весь город и так знал, что к чему, кто с кем дружит или враждует и кто за кем присматривает – это Восток, здесь ничего не скроешь. Подруга матери, прилетевшая в Самарканд из Киева, удивлялась: «Сказала таксисту ваш адрес, а он в ответ – знаю-знаю, там Полина-ханум с дочерью и внуком живет».

После газетной публикации репутация бабушки взлетела до заоблачных высот. Она увеличила количество воспитанников до шести человек и стала брать с каждого по три рубля в день. Таким образом в месяц набегало около четырехсот рублей – весьма неплохие деньги по советским меркам восьмидесятых годов. Но ценнее денег были связи, без которых в Средней Азии и шагу ступить было нельзя. Практически все мало-мальски влиятельные люди города были родственниками бабушкиных учеников или же ее учениками.

– Ничего не понимаю! – порой говорила бабушка своей дочери, матери Костика (ни с кем другим она не откровенничала). – Сарвиноз, дочь директора гостиницы Адылова, в семь лет двух слов связать не могла, не говоря уж о том, чтобы от пяти три отнять, а теперь в сельхозинституте на кафедре агрономии ассистентом работает, кандидатскую недавно защитила…

– Восток – дело тонкое, – отвечала мама, сопровождая эти слова сдержанным вздохом.

Костик с детства радовался тому, что живет на Востоке, а не в России, где в отношениях между людьми нет азиатской сердечности. Там гостю могут не предложить никакого угощения, кроме чая, а то и чаем не напоят. Там соседи могут годами жить бок о бок и не быть знакомыми друг с другом (невозможно поверить, но об этом рассказывала мама, которая никогда не преувеличивала и не выдумывала), а если там спросишь у прохожего дорогу, то он может буркнуть на ходу «не знаю» и пойти дальше. В Самарканде такого случиться не могло. Если сам не можешь подсказать, то найди того, кто сможет, а не проходи мимо человека, который обратился к себе за помощью. Опять же – таких фруктов, как в Самарканде, в России нет и вкусных лепешек там не пекут, едят «фабричный» хлеб.

Костик мог понять все, кроме отсутствия свежеиспеченных лепешек к завтраку. Отщипываешь от нее, горяченькой, кусочек, макаешь в растопленное сливочное масло… М-м-м! Вкуснотища! Забота только одна – не проглотить бы язык! А следующий кусочек – в розетку с медом (пиал и прочей восточной атрибутики, вплоть до ковров на стенах, дома не признавали)… С сюзьмой[1 - Сюзьма (в дословном переводе «сцеженное») – традиционный кисломолочный продукт многих тюркских народов, похожий на мягкий творог.] тоже неплохо, но с медом все-же лучше всего.

Поездки в Москву, Ленинград, а также в Свердловск, где жила двоюродная сестра бабушки, окончательно убедили Костика в том, что на Востоке жить лучше, уютнее и вкуснее. Больше, чем Мавзолей, Третьяковка и Аврора, его поразил мясной прилавок центрального свердловского рынка, куда они с бабушкой пришли в надежде купить баранины или говядины для плова – надо же угостить родственников вкусной восточной едой! На рынке (на центральном городском рынке!) не было мяса! Совсем! Никакого! В мясных, так сказать, рядах продавались обскобленные до синевы кости и почки, которые у местных жителей явно не пользовались спросом. На удивленный вопрос Костика «а где

мясо?», первой успела ответить не бабушка, а одна из торговок. Костик притворился, будто ничего не понял, а бабушка строго отчитала нахалку за встревание в чужой разговор и за употребление матерных слов в присутствии ребенка.

Повсеместная матерщина была еще одним недостатком России. Нельзя сказать, что в Самарканде не употребляли крепких слов. Употребляли, да еще как! Отдельные виртуозы могли материться по нескольку минут, не повторяя своих сентенций. Но употребляли к месту и по делу. Невозможно было представить, чтобы в самаркандском автобусе один пассажир сказал другому: «Передайте, б…дь, на х…й, за билетик…». Ну а чтобы женщины выражались на улице, да еще и во весь голос… Другой мир!

Однако, к моменту окончания института приоритеты Костика изменились. Изначально он собирался стать хирургом, практикующим врачом, уважаемым человеком. Врачей на Востоке уважали крепко. Так, например, участковая докторша Альбина Алексеевна ходила по вызовам до позднего вечера. И не потому, что была медлительной черепахой, а потому что каждый встречный зазывал ее в гости. Если вчера была в этом доме, то можно и отказаться, а вот если с прошлой недели не гостевала, то нужно уважить приглашающего, иначе он обидится. И общественным транспортом Альбина Алексеевна сроду не пользовалась. Как только встанет у обочины, так сразу же кто-то остановится – садитесь, доктор-ханум, вас хоть в Ташкент отвезу, бесплатно, из чистого уважения! А жена травматолога Кононова, считавшегося лучшим специалистом в области, никогда не ходила на рынок, потому что все необходимое ей приносили на дом, за чисто символическую плату. Правда бабушка ко всей этой восточной сердечности относилась сдержанно. Говорила: «когда нужно, ковер перед тобой расстелют, а когда не нужно – под ковер запихают». Ну, бабушка вообще была строгой к себе и людям.

Увы – вожделенная хирургия на деле оказалась далеко не такой привлекательной, как в кино. На четвертом курсе Костик понял, что хирурга Мишкина[2 - Главный герой популярного в советское время трехсерийного телевизионного фильма «Дни хирурга Мишкина», снятого по повести Юлия Зусмановича Крелина «Хирург».] из него не выйдет и решил податься в науку по какой-нибудь чистенькой, «бескровной» специальности. Быть профессором лучше и выгоднее, чем рядовым врачом, а академиком – так совсем джуда яхши. [3 - Джуда яхши – очень хорошо (узб.).] В себя и свою счастливую звезду Костик верил твердо. Мама с бабушкой постоянно внушали, что он самый умный, самый

красивый и вообще самый-самый.

«Ишак рядом с козами не пасется», гласит восточная мудрость. Науку надо было двигать не в Самарканде, а в Москве или, на худой конец, в Ленинграде. Там и возможностей несравнимо больше, и достижения лучше заметны. Костик решил, что ради светлого научного будущего можно переехать из теплого уютного родного города в холодный и чужой. Игра в академика стоила любых свеч.

Мудрая бабушка посоветовала выбирать какую-нибудь клиническую науку, чтобы в придачу к научным пряникам иметь надежный практический кусок хлеба. Профессор-невропатолог живет лучше профессора-гистолога или биохимика, поскольку он еще и за консультации деньги получает. И нехило так получает – самаркандские профессора меньше тридцатника не брали. Страшно было представить, сколько берут за консультацию столичные академики. Должно быть, рублей сто, не меньше. И это за каких-нибудь полчаса! А мама в своей библиотеке столько за месяц получает.

Сначала Костик выбрал неврологию, затем решил стать кардиологом, но жизнь решила за него. Декан лечебного факультета Нижебецкий, внучку которого бабушка спасла от попадания в школу для детей с задержкой психического развития, сказал, что может устроить краснодипломнику Ива?нову в Москве только аспирантуру по эндокринологии. Если хотите чего-то другого, то ждите следующего года.

Ждать не особо хотелось, потому что на дворе был непростой восемьдесят девятый год, самый разгар перестройки со всеми ее непредсказуемыми прелестями. Кто знает, что будет в следующем году? Нет, лучше уж синица в руках, чем журавль, грациозно улетающий от тебя в синем небе. Эндокринология – специальность востребованная и хлебная. У каждого третьего есть диабет, у каждого второго щитовидка барахлит, ну а гинекологи вообще назначают консультацию эндокринолога чуть ли не каждой пациентке… Опять же, наука относительно молодая, много «белых пятен», так что есть где развернуться талантливому ученому, мечтавшему о Нобелевской премии. Как говорится, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом.

Отправляя Костика в Москву, мать с бабушкой взяли с него три торжественные клятвы.

Во-первых, питаться регулярно, и чтобы завтрак был плотным, а обед состоял из трех нормальных блюд – салата (в нем витамины), супа и второго.

Во-вторых, носить в холодное время шапку и кальсоны. Москва – это тебе не Самарканд, там зимой запросто можно нос или пальцы отморозить.

В-третьих, не жениться до защиты кандидатской диссертации. Где женитьба, там и ребенки-пеленки, так, чего доброго, и не защитишься. Да и котируются у невест кандидаты наук выше «неостепененных» врачей.

– Но присматриваться можешь, – разрешила бабушка. – Разумеется, присматривай только москвичек из приличных семей, с квартирой и без браков в анамнезе…

Медицинское слово «анамнез» бабушка переняла от Костика и часто употребляла.

– И чтобы без детей! – волновалась мама. – Лишние осложнения тебе не нужны. Своих заведешь, когда время подойдет. И старайся, чтобы семья была врачебной. Лишняя поддержка никому еще не вредила.

Добрые женщины не сомневались в том, что стоит их сыну и внуку ступить на перрон Казанского вокзала, как его сразу же начнут атаковать потенциальные невесты. Умный, с высшим образованием, хорошо воспитанный, высокий, красивый, весь в дедушку Константина Христофоровича, Царствие ему Небесное… От деда, знакомого только по фотографиям, Костику достались смоляные кудри, классический античный профиль и длинные ноги мастера спорта по футболу. Неплохое, надо сказать, наследство. В самаркандском меде Константин Ива?нов считался одним из самых завидных женихов и это несмотря на отсутствие отца-профессора или директора чего-нибудь.

Отец, разведшийся с матерью, когда Костику было два года, жил в Маргилане и работал начальником цеха на шелковом комбинате. К официальным алиментам отец ежемесячно добавлял рублей тридцать-сорок, присылал поздравительные открытки к праздникам, бывая в Самарканде, встречался с Костиком, так что в целом отношения были нормальными, правда, без особой сердечности. Ну и ладно – сердечности Костику дома хватало с лихвой. По отношению к нему бабушка только притворялась строгой, а на деле баловала напропалую. Ну а как

же иначе? Единственный внук, да еще такой замечательный!

Клятву по поводу питания пришлось нарушить сразу же. Нормальный обед в нормальном кооперативном кафе тянул на десять рублей, что сильно выходило за рамки костиковского бюджета – бабушка обещала присылать ежемесячно по стольнику и еще полтинник к этой сумме добавлял отец. Еще перед отъездом дома выдали пятьсот рублей «на черный день» и еще примерно столько же рачительный Костик сэкономил, откладывая по пятерке или десятке с каждой стипендии. Но к этому неприкосновенному запасу следовало обращаться только в исключительных случаях. Так что Костик перебивался тем, что удалось схватить на ходу – пирожками, коржиками, чебуреками, мороженым. Были еще и столовые, но лучше уж булку всухую схомячить, чем питаться той бурдой-баландой, которую там предлагали на сальных тарелках. Костик отчаянно скучал по домашним обедам, свежеиспеченным лепешкам и вообще по всей родной среднеазиатской кухне. Но что поделать? Светлое научное будущее требовало жертв.

Самым большим столичным разочарованием стало общежитие. Прежде Костику в общежитиях бывать не доводилось. Студенты, приехавшие учиться в Самарканд из районов, снимали квартиры или комнаты. Если уж у родителей хватило денег на то, чтобы устроить ребенка в медицинский институт, то уж на съем достойного жилья у них всегда копейка найдется. Студенческие общежития негласно использовались в качестве гостиниц для рыночных торговцев – не пропадать же комнатам попусту. Так что впечатлений об общежитиях Костик набрался из книг и фильмов. Воображение рисовало ему радужные картины вольного студенческого бытия, а, кроме того, аспирантам полагались отдельные комнаты.

Но полагались они в идеале. а в реальной жизни аспиранту Ива?нову объяснили, что «на всех вас отдельных комнат не напасешься». Так что, придется делить комнату с соседом и скажите спасибо, что только с одним – в Лумумбарии[4 - Жаргонное название Российского университета дружбы народов, с 1961 по 1992 годы носившего имя конголезского политика Патриса Лумумбы.] аспиранты по четверо живут и не жалуются.

«Хорошо, пускай будет сосед, – подумал Костик, довольно легко сходившийся с людьми благодаря азиатскому воспитанию. – Только бы не храпел, а так вдвоем даже веселее». Малость обломанный в лучших надеждах, он приехал в общежитие на 11-ой Парковой улице и был сражен наповал увиденной картиной

– стены обшарпанные, двери щербатые, потолок в пятнах, кругом грязища (не просто грязь, а именно грязища!)… В туалет вообще войти невозможно, такое впечатление, что последний раз его мыли еще при Брежневе. На пуховые перины и дубовую мебель Костик не рассчитывал, но надеялся получить что-то получше провисающего до пола пружинного матраса и стула на трех ножках. Стола в комнате не было, а шкаф представлял собой поставленный на попа ящик без полок и дверей. Вишенкой на этом гадостном торте стали проблемы с пищеварением у соседа, неплохого, в принципе, парня из Кишинева. Если днем сосед соблюдал приличия и освобождал кишечник от газов в туалете или на балконе, то во время сна делал это в комнате, которая к утру превращалась в подобие газовой камеры. Открытая форточка не спасала – едкие газы были тяжелее воздуха и потому стелились понизу, а открывать окно целиком опасались, потому что комната находилась на втором этаже и через раскрытое окно могли залезть воры. Такие случаи уже бывали, а одну студентку вор едва не изнасиловал (помешал сбежавшийся на крик народ).

Промыкавшись неделю в этом аду, Костик снял комнату в Выхино, на Самаркандском бульваре. Специально не искал – случайно совпало. Наконец-то хоть в чем-то повезло – хозяйка-пенсионерка согласилась пустить холостого мужчину и сбавила цену до пятидесяти рублей, потому что ей хотелось иметь под боком врача. Чуть ли не каждый вечер Костику приходилось выслушивать ее однообразные жалобы и повторять уже озвученные рекомендации, но это дело происходило под чай с печеньем да вареньем, так что за свои труды он получал довольно сытный ужин. Чаю и всего, что к нему полагалось, хозяйка Мария Александровна не жалела. Хорошая попалась бабка, что там говорить… Малость занудливая, но кто из стариков не имеет этого недостатка? Зато – чистюля-аккуратистка, все блестит-сияет, пылинки с лупой не найдешь. Костик вообще любил чистоту (дома приучили), а после общежития полюбил ее невероятно.

В Эндокринологическом центре Костику сразу же объяснили, что возможность двигать науку вперед – это не обязанность, а привилегия, которая предоставляется лучшим из лучших. Научный руководитель профессор Макарышев, кривоногий, кривобокий, сутулый, да вдобавок ко всему и с косящим внутрь левым глазом, сразу же припахал Костика к строительству собственной дачи. Хорошо еще, что не в качестве строителя, а как надсмотрщика за строителями, но все равно было очень неприятно. В клинике Костик появлялся один раз в неделю, редко когда два, а все остальное время проводил в подмосковном поселке с звучным названием Шарапова Охота. Частенько приходилось бывать там и по субботам-воскресеньям, потому что мастеры-ломастеры, как называл их Макарышев, работали по своим графикам.

Маме с бабушкой Костик врал про замечательное общежитие, интересную научную работу, вкусные обеды, стоимостью в один-два рубля и замечательную московскую жизнь. Перед каждым телефонным разговором он съедал плитку шоколада, до которого был великий охотник, чтобы голос звучал веселее. Домашние радовались тому, что их мальчик вышел на большую дорогу. А мальчику хотелось бросить все к чертовой матери, вернуться домой в Самарканд, устроиться на работу в областную больницу и зажить нормальной жизнью нормального человека. И хрен бы с ней, с наукой, гори она синим огнем вместе с опостылевшей стройкой профессора Макарышева, гори он синим огнем вместе со своей недостроенной дачей!

Москва бьет с носка и от этого тоска. Костику очень не хотелось быть мальчиком для битья, но его забыли спросить.

Останавливало только одно – возвращение стало бы немужским и неспортивным поступком. Дедушка Костя, будь он жив, не порадовался бы за внука, малодушно бегущего от трудностей. Сам дедушка перед трудностями никогда не пасовал. В тридцатые годы учился в ленинградском институте физической культуры имени Лесгафта, жил впроголодь, по ночам разгружал вагоны и вообще брался за любую тяжелую работу, но закончил институт с отличием и дорос до директора спортивной школы. «А начинал ведь с того, что мячик на пустыре пинал с такими же охламонами», всякий раз умиленно говорила бабушка, рассказывая внуку о славном жизненном пути деда.

«Ничего, ничего, – уговаривал себя Костик. – Нужно немного потерпеть. Когда-нибудь и аспирантура закончится, и дача достроится, и вообще все наладится… Москва не сразу строилась».

Под «вообще все наладится» подразумевалось знакомство с хорошенькой москвичкой, доброй, ласковой и умеющей готовить не хуже бабушки. Ну и с квартирой, ясное дело, не вечно же на Самаркандском бульваре комнату снимать.

Глава вторая

А мимо молодость проходит…

Судьбоносное, без преувеличения, знакомство с хорошенькой москвичкой устроил Константину профессор Макарышев. Сунул, хамло этакое, в руки конверт с деньгами и велел (именно что велел, а не попросил!) отвезти их по такому-то адресу на Кленовом бульваре, какому-то прорабу за какие-то работы на даче. Ишь ты! Нашел себе бесплатного курьера, называется. Но ничего не поделаешь, ведь перечить научному руководителю все равно, что справлять малую нужду против ветра. Себе дороже.

«Нет, ну какой же все-таки хам! – накручивал себя всю дорогу курьер-аспирант. – Мало того, что я за его работягами приглядываю, так еще и деньги им возить должен! Завтра, чего доброго, поручит пол в его кабинете вымыть… Вот же гад, чтоб ему напополам треснуть! А там встретит какое-нибудь мурло пролетарское, даже войти не предложит, да еще и демонстративно пересчитает деньги у меня на глазах – не украл ли я у Толика толику? И это называется аспирантура? Да … … … она … … … сорок раз с треском!».

К нужному подъезду Константин подходил на таком яростном взводе, что был готов не отдать конверт, а швырнуть его в морду получателю. Да – швырнуть! Причем так, чтобы купюры разлетелись на три этажа! Пусть знает! Пусть запомнит и в другой раз сам за своими долбаными деньгами приезжает!

Надежды не сбылись. Вместо хамского пролетарского мурла дверь открыла Мечта, то есть – девушка мечты, высокая голубоглазая блондинка с копной задорных кудряшек, обрамляющих весьма симпатичное личико.

– Заходите! – пропело чудное создание ангельским голосом. – Папа предупреждал, что придет человек с деньгами и велел мне никуда не отлучаться. А я со скуки затеяла шарлотку печь, она как раз уже готова. Вы с чем шарлотку предпочитаете с чаем или с кофе? Да вы снимайте куртку, не стойте столбом! А разуваться не надо, это лишнее… Мойте руки и пойдемте на кухню!

«Наверное меня от ярости хватил кондратий, – решил Константин, намыливая руки. – Я умер в этом зассанном подъезде и попал в рай, к ангелам… А пахнет в раю как дома…».

По правде говоря, шарлотка, которой его угостило чудное создание по имени Ника, была лучше бабушкиной. На вкус примерно то же самое, но яблоки с приятной кислинкой, а бабушка отбирала для шарлотки самые сладкие, и верх у бабушки никогда не получался таким замечательно хрустящим. Да и растворимый кофе дома заваривали осмотрительно, чтобы не навредить здоровью, а Ника щедро положила в кружку четыре столовые ложки, причем с нехилым верхом. Деньги она пересчитывать не стала, а просто положила конверт на тумбочку в прихожей.

«Какая милая девушка, – думал Константин, разомлев от теплого приема и вкусного угощения. – Как хорошо, что Макарышев отправил меня с деньгами, а не привез их сам. Если бы он знал, как тут встречают, то сам бы приехал… Впрочем, вряд ли Ника стала бы угощать этого старого козла шарлоткой…».

Хотелось сказать что-то умное, чтобы произвести хорошее впечатление, но ничего умного в голову, как назло, не приходило. Отчаявшись найти подходящий повод для разговора, Константин спросил:

– А Ника это полное имя или сокращенное?

– Сокращенное от Вероники, – мило улыбнулось чудное создание. – Красивое имя, правда? У меня и фамилия звучная – Вышгородская. Веронике Вышгородской прямая дорога в артистки больших и малых театров. С таким-то именем! Но меня не взяли, – она грустно вздохнула. – Сказали, что нет данных. Пришлось идти в иняз.

– …удаки долбаные! – вырвалось у Константина.

Осознав, что именно он сказал, Константин испуганно посмотрел на чудное создание – а ну как укажет своим прелестным пальчиком на дверь и скажет, что хамам в раю не место. Но Ника звонко рассмеялась.

– Представьте, то же самое сказал и папа, только в более развернутой форме. Он ужасный матерщинник, всюду разговаривает, как на стройке. А вы кем работаете?..

Время летело незаметно и так же незаметно уничтожалась нехилых размеров шарлотка. Выйдя на лестничную площадку, Константин посмотрел на часы и с

удивлением отметил, что провел в гостях три с половиной часа. А казалось – минут пятнадцать, больше. Во внутреннем кармане куртки, рядом с бумажником, подаренным домашними на двадцатилетие, лежал сложенный вдвое листочек с номером телефона Ники. Номер Константин запомнил с одного взгляда – 340-53-53. Что там запоминать? «40» – номер дома, в котором он вырос, а «53» – возраст матери. Но листочек был дорог тем, что заветные цифры были написаны Никиной рукой.

Переполнявшие Константина чувства требовали немедленного выхода. Хотелось поделиться с кем-то своей радостью, рассказать о том, какую необыкновенную девушку он встретил сегодня… Но кому рассказывать, если друзей в столице он пока не завел? Не квартирной хозяйке же…

Ноги сами привели Константина к переговорному пункту, где, несмотря на вечернее время, две кабинки оказались пустыми. Если человеку везет, то везет во всем – соединиться с Самаркандом удалось с первой же попытки, бабушка была дома, а не у кого-то из соседок, да и слышно ее было так хорошо, словно она стояла рядом.

– Полли! Ты не представляешь, что сегодня произошло… – с места в карьер начал Константин.

В первый раз он назвал бабушку «Полли» в трехлетнем возрасте. Услышал, как кто-то говорит: «Аполлинария Осиповна», и повторил: «По?лли Си?пана». Так и пошло. Близкие обычно звали бабушку «Полиной» или «Полиной-ханум», и только для внука она была Полли. Должны же быть у внуков какие-то привилегии, разве нет?

– Что?! – обеспокоенно спросила бабушка. – Что у тебя произошло? Ты не заболел?

– Нет! Не заболел! Совсем наоборот! – Константин буквально захлебывался от бурливших внутри эмоций. – Я познакомился с девушкой! Ее зовут Ника! Она преподает английский язык в лицее! Она необыкновенная! И семья очень приличная, папа – инженер-строитель, а мама – директор магазина! Полли, она действительно необыкновенная!..

– Где вы познакомились? – строго спросила бабушка.

Константин рассказал почти всю правду, умолчав лишь о своей роли в строительстве дачи научного руководителя и превратив конверт с деньгами в папку с бумагами. Вышло не совсем складно – ну какие бумаги может передавать прорабу профессор-эндокринолог? – однако бабушке сейчас было не до мелких несостыковок.

– Увидела на пороге молодого симпатичного парня и сразу же взяла его в оборот! – подвела она итог, выслушав сбивчивый рассказ внука. – А ты сразу же растаял! Ну что же за порода у вас такая?! Едете учиться, а на уме одни бабы!

– У кого это «у нас»? – растерянно спросил Константин, не ожидавший, что бабушка воспримет радостную новость в штыки.

– У мужиков! – после небольшой паузы ответила бабушка и Константин почувствовал, что она о чем-то умалчивает.

Домашнюю тайну он узнал от матери много лет спустя, когда бабушки уже не было в живых. Оказалось, что во время учебы в Ленинграде дедушка Константин Христофорович завел «долгоиграющий», как выразилась мать, роман с институтской преподавательницей философии. Дама родила от него дочь, чему дедушка был безумно рад, поскольку у бабушки выкидыши шли один за другим. Дело шло к разводу и новой женитьбе, но в тот самый день, когда дедушка отправил бабушке решающее письмо, его новая любовь скоропостижно скончалась от разрыва аневризмы мозговой артерии. Дедушка вызвал бабушку в Ленинград телеграммой, которая пришла в Самарканд раньше письма. Высказав блудному мужу все, что она о нем думает, бабушка согласилась удочерить осиротевшую девочку, которая впоследствии стала матерью Константина.

Новость не удивила, а просто шокировала. Невозможно было представить, что бабушка Полли ему не родная… Хотя, что такое «родная» и «неродная»? Кровь тут ничего не решает. Вон, с отцом и его сыновьями от второй жены кровь одна, но родными их Константин не считал. Просто – отец, просто – братья, не более того. А вот соседка Фархунда-апа – ближе любого родственника. То, что бабушка не единокровная, еще не делает ее неродной… Но какой-то непонятный осадок где-то в глубине души все же остался.

Спустя неделю после разговора с бабушкой Константин получил от мамы проникновенно-увещевательное послание. Мама умоляла его «не торопиться»,

«не доводить дело до постели», «не совершать опрометчивых поступков», «не портить себе жизнь», «не путать вожделение с любовью» и еще много чего просила не делать… Но все уже было сделано. До постели дело дошло на третий день знакомства, чему Константин был несказанно рад. Они с Никой сразу же поняли, что созданы друг для друга, но с женитьбой решили повременить до весны. Это же так здорово – начинать новую жизнь весной, когда природа оживает после зимней спячки, когда все вокруг дышит любовью, когда хочется обнять весь мир и повторять вслед за Пушкиным: «весна, весна, пора любви…».

Как и положено между любящими, поведали друг дружке самые сокровенные тайны. Ника рассказала, что у нее есть оставшаяся от бабушки собственная однокомнатная квартира в Южном Орехове-Борисове на Воронежской улице, а Константин признался в том, что пишет стихи и прочел два последних произведения, посвященные «любимой Н.». Стихи привели Нику в восторг.

– Я чувствую себя Анной Керн! – повторяла она, закатив глаза. – Невероятное ощущение! «Наследуют отчаянью в следующем поколении стихи о чашах твоих коленей…».[5 - Виктор Каренович Оганезов, «Родословная».] Нет, ты решительно новый Пушкин! Читай еще!

Константину, хорошо знакомому с творческим наследием великого поэта, хватило ума не упоминать о том, что писал Пушкин о Керн своему другу Сергею Соболевскому спустя год после публикации «Чудного мгновенья».[6 - А писал он следующее: «Безалаберный! Ты ничего не пишешь мне о 2100 р., мною тебе должных, а пишешь мне о M-me Kern, которую с помощию божией я на днях у…б». (Письмо С. А. Соболевскому, вторая половина февраля 1828 года).] Тем более, что накануне, после первой близости, они чуть было не поссорились. Вроде как по его вине, хотя он ни в чем виноват не был.

Дело было так. Приходя в себя после третьего штурма (другими словами столь пылкое сближение назвать невозможно), Константин сказал в пространство:

– А мимо молодость проходит и дни мелькают, как в кино…

– Ты на что намекаешь?! – моментально вскинулась Ника, льнувшая до этого момента к его плечу. – Это же «Песня проститутки» Юрия Лозы! Ты считаешь меня бл…ю? Ай, какая гадкая девочка! Дала сразу же после знакомства! Вот не ожидала от тебя, честное слово…

Заслужив прощение при помощи четвертого штурма, растянувшегося на добрых полчаса, Константин пообещал себе впредь быть осмотрительнее, не ляпать ничего наобум и не цитировать ничьей поэзии, кроме своей собственной.

При всей кажущейся легкости своего характера, Ника могла внезапно заводиться по разным, совершенно не заслуживающим внимания, пустякам. Не то сказал, не так посмотрел, цветы не те принес… (она почему-то ненавидела хризантемы). Сначала эта черта умиляла Константина, позднее – удивляла, а в конце концов начала раздражать. Но до раздражения и его последствий было еще далеко.

Сразу же после Нового года, на втором месяце знакомства, влюбленные поселились в Никиной квартире. То есть, официально считалось, что Ника отселилась от родителей, потому что с Воронежской ей было ближе ездить на работу (на самом же деле разницы не было практически никакой), а Константин приходит к ней в гости. Ага – приходит! Как пришел однажды со своими пожитками, так и загостился… Маме и бабушке Константин о переезде не сообщил. Для них он продолжал жить в отдельной комнате уютного чистенького общежития на 11-ой Парковой.

Никины родители все понимали, но старательно прикидывались непонимающими. Собственно, отцу некогда было понимать – он с раннего утра до глубокой ночи мотался по своим объектам, а иногда пропадал на них неделями, если был аврал. Ника рассказала, что у ее прыткого папаши есть вторая семья в Бронницах, где давняя любовница воспитывает двенадцатилетнего Никиного братика.

– Мама об этом знает, но не возражает, – сказала Ника, смешно наморщив нос. – Лучше путь папаша ходит к одной здоровой женщине, чем станет таскаться по всяким сифилитичкам.

– Мудрая женщина, – похвалил Константин.

– Мудрая, – согласилась Ника. – При таком подходе папаша не может возражать против маминого романа с ее бухгалтером. Короче говоря, всем хорошо. И приличия соблюдены, и желания удовлетворены, и квартиру разменивать не нужно, и ребенка не травмируют…

– Какого ребенка? – не понял Константин.

– Меня! – рассмеялась Ника. – Шнурки убеждены, что их развод меня травмирует! Я только не понимаю как. Но предупреждаю сразу, что у нас с тобой такого не будет. Если надоедим друг другу, то мирно разойдемся. Окей?

– Окей, – ответил Константин, уверенный в том, что их взаимные чувства никогда не остынут.

25 декабря 1990 года, в католическое Рождество, Ника родила девочку, которую назвали Марианной в честь обоих бабушек – Марии, матери Константина, и Анны, матери Ники. Узнав о рождении правнучки, бабушка сменила гнев на милость – начала называть Нику по имени и передавать ей приветы (а прежде говорила «твоя» или «эта твоя»), прислала правнучке «на зубок» тысячу рублей, которую павловские реформы[7 - Имеются в виду денежная и др. экономические реформы, проведенные в 1991 году премьер-министром и министром финансов СССР Валентином Павловым по указанию Президента СССР Михаила Горбачева.] превратили в ничто, а также выразила желание приехать в Москву, чтобы нянчить Марианночку. Мысленно содрогнувшись от такой перспективы, Константин заверил бабушку, что они с Никой замечательно справляются, а, когда нужно, то приходит на помощь теща. Соврал совсем немного – теще, руководившей магазином «Океан» на Авиамоторной улице, некогда было заниматься внучкой, но зато она подыскала счастливым родителям замечательную няню Ольгу Григорьевну, ветерана ведомственного железнодорожного детского садика, и взяла на себя оплату ее услуг. Причем, платила так щедро, что Ольга Григорьевна была готова работать без выходных, да еще и на ночь оставаться, когда попросят (ночью и по выходным оплата была двойной).

Ника беспокоилась, что семейные хлопоты помешают Константину работать над диссертацией, но ее опасения оказались напрасными. Во-первых, при необходимости Константин всегда мог задержаться в Центре и поработать в спокойной «послерабочей» обстановке. Во-вторых, после рождения Марианночки, он вежливо, но твердо объяснил научному руководителю, что период «черного рабства» аспиранта Иванова окончился. Слава Богу – половину оттрубил, так что хватит на мне ездить, дорогой товарищ профессор. Теперь уже можно было позволить себе подобную строптивость, не опасаясь фатальных последствий, потому что верховное кафедральное и клиническое начальство было прикормлено икоркой и балычками, получаемыми от тещи. Верховное

начальство скорее бы согласилось лишиться ничем не примечательного профессора Макарышева, нежели аспиранта, могущего доставать дефицитнейший дефицит практически в любых количествах. Прозрачные макарышевские намеки насчет того, как хочется «чего-нибудь вкусненького к праздничку», Константин демонстративно игнорировал – знай наших! Бабушка, старавшаяся сохранять со всеми хорошие отношения или, хотя бы, их видимость, такого поведения не одобрила бы. Сказала бы: «не обостряй, Костик, не плюй в колодец». Но бабушка была далеко, а Макарышев близко и уесть его хоть чем-то было очень приятно.

Защитился Константин со скрипом, то есть – с перевесом в два голоса, хотя ожидал, что против не будет ни одного. Даже Макарышев, по логике вещей, должен был проголосовать «за», поскольку он был научным руководителем Константина. Однако же вот – едва не завернули… А один из выступавших, незнакомый Константину хмырь с лошадиным лицом и неприятно щелкавшей вставной челюстью, сказал, что гормональная регуляция липолиза,[8 - Липолизом называется процесс расщепления жиров под действием особых ферментов.] которой была посвящена диссертация, на сегодняшний день изучена хорошо, в отличие от разных других тем. Понимай так – лучше бы ты делом занялся, друг ситный, чем из пустого в порожнее переливать.

Но черт с ними со всеми, злопыхателями ядовитыми! Главное, что защитился, «окандидатился»! Дух бы перевести, а там можно будет и о докторской подумать…

Жизнь – известная ехидна. Подкинет одну плюшку, а следом отвесит дюжину плюх – не радуйся хорошему, пока лиха полной ложкой не хлебнул. На родной кафедре эндокринологии Константина не оставили, хотя и обещали ему должность ассистента. Заведующий долго блеял-мекал, отводя глаза в сторону – и хотели бы, и с радостью, да нет возможности, единственная свободная ставка обещана племяннику министра. Короче говоря, заходите через годик, там видно будет.

На недавно созданной кафедре эндокринологии факультета последипломного образования Первого меда с Константином даже разговаривать не стали – сразу же дали от ворот поворот и это при наличии двух свободных ассистентских ставок и одной лаборантской! Сказать, что Константин недоумевал, означало не сказать ничего. В запасе оставалась возможность устройства врачом в одно из отделений Центра. Не самый лучший вариант для свежеиспеченного кандидата

наук, но хоть что-то, не в поликлинику же идти, в конце концов. Однако заместитель директора Центра по лечебной работе Юлианова, с которой Константин ради укрепления отношений никогда не брал плату за тещины «гостинцы», приняла его крайне сухо. Свободных ставок нет, те, что пока не заняты, уже обещаны, извиняй-прощай.

Два дня подряд Константин напряженно анализировал предыдущие месяцы своей жизни, пытаясь понять, что он сделал такого плохого. Почему от него все отвернулись? Потому что защитился со скрипом? Чушь! Кстати, а почему было столько голосов «против»? Голову сломал, но так ничего и не понял. Спасибо теще, пристроившей в поликлинику Министерства финансов на Ильинке, а то бы ведь пришлось в обычной районной «кузнице здоровья» работать, не приведи Господь.

Со временем вся эта история если не забылась, то отошла куда-то на задний план, на далекие задворки памяти, чтобы всплыть оттуда десять лет спустя, в 2002 году, когда к главному врачу медсанчасти Константину Петровичу Ива?нову пришла проситься на работу одна из бывших ассистентов его родной кафедры эндокринологии. Константин ее, разумеется, не взял, потому что она была дурой, и вообще он не любил нанимать старых знакомых, тем более тех, которых помнили его аспирантом. Ну их к чертям! Если жизнь развела в разные стороны, то нечего и сходиться. Однако, чайком угостил. Посидели, повспоминали прошлое и к слову Константин сказал, что он так и не понял, какая муха тогда перекусала все начальство.

– Это Макарышев постарался, – поведала гостья из прошлого. – Он всем нашептывал, что ваш тесть – главарь бандитской группировки, что вы ему угрожали и вообще вы очень опасный человек, и что он буквально считает дни до вашей защиты, чтобы навсегда с вами расстаться.

Константин оценил красоту игры. Идеальная в своей пакостности сплетня! Пугает не по-детски, но, в то же время, не располагает к уточнениям. Не спросишь же у доктора Иванова: «а правда, что ваш тесть – мафиози?». Чего доброго, зять или тесть, а то и оба вместе, обидятся и убьют за такой невинный, в сущности, вопрос. Но иметь среди подчиненных бандитского зятя не захочет никто. Константин и сам бы не захотел.

Спровадив расчувствовавшуюся от воспоминаний гостью, или, скорее – просительницу, Константин спросил у Гугла Всеведущего про профессора

Макарышева. Очень уж захотелось встретиться, посмотреть в глаза и поговорить по душам. Но вышел облом. Оказалось, что подлый негодяй уже второй год покоился на Востряковском кладбище. Ловкая бестия! Напакостил и сумел удрать от возмездия туда, где его не достанешь.

Глава третья

Метод перекрестного опыления

Летом 1992 года, вскоре после защиты Константина, теща приватизировала свой магазин. Точнее, приватизировал его коллектив, но теща сразу же принялась выкупать у народа доли. Платила она хорошо, а одновременно еще и запугивала сотрудников теми расходами, которые придется понести для того, чтобы вывести магазин в прибыль. Вкладываться в дело никому, кроме тещи, не хотелось – гораздо проще получить деньги за свою долю и разбежаться.

На эпопею с магазином ушли практически все семейные сбережения. Константину казалось, что у человека, проработавшего тридцать с лишним лет в торговле, сбережений должно было быть гораздо больше, но Ника объяснила, что отец со своими строительно-ремонтными проектами часто садится в лужу. То сроки не выдержит, то работяги дорогие материалы испортят, то украдут все, что только можно и сбегут, а расплачивается за все мамина кубышка. Но отец из нее только таскает, а пополнять не думает. Если у него заводятся лишние деньги, хотя деньги никогда лишними не бывают, он тащит их в другую семью. Опять же, тещин любовник-бухгалтер моложе ее на десять лет, а это весьма затратный расклад. Ну и вообще, кто много зарабатывает, тот привыкает много тратить, соря деньгами налево и направо… Так что удивляться нечему.

В сентябре у тестя случился очередной геморрой, посерьезнее тех, что были раньше. Началось все хорошо – тестю удалось получить подряд на внутреннюю отделку трехэтажного коттеджа какого-то суперкрутого бизнесмена.

– Это не коттедж, а царский дворец! – завистливо восхищался тесть. – Хермитаж! И участок соответствующий – три гектара на берегу Клязьмы! Имение!

Особо радовала тестя произведенная им экономия, которая позволяла положить в карман две трети полученных денег. Незадолго до выгодного подряда, тесть разогнал своих давних мастеров-москвичей, которые совершенно зарвались и с каждым днем требовали все больше и больше денег, причем не в рублях, а в долларах или, на худой конец, в немецких марках (кто сейчас помнит такую валюту?). Вместо «бо?рзых козлов» тесть нанял молдаван и украинцев, готовых работать по гораздо меньшим расценкам и не претендующих, как москвичи, на расчет после каждого отработанного дня.

Но у дешевого есть неприятная изнанка – оно чаще всего оказывается сердитым. Когда почти все работы были завершены, в санузле третьего этажа (вот нет бы на первом!) прорвало плохо прикрученную трубу. Работяги, занятые обустройством подвальной сауны, заметили неладное только после того, как вода достигла первого этажа. А когда заметили, то всей гурьбой поперлись наверх и долго глазели на фонтан, вместо того чтобы сразу выключить водяной насос.

Короче говоря, второй и третий этажи надо было полностью отделывать заново, а первый нуждался в частичной отделке. Стоимость восстановительных работ вместе с материалами полностью легла на тестя, а, кроме того, разъяренный заказчик наложил на него штраф в двадцать тысяч «зелени» и предупредил о суровых карах в случае невыплаты. Двадцать тысяч долларов и по нынешним временам сумма немаленькая, а в девяносто втором году она была невероятной, можно сказать – космической.

Срочно продали все, что только можно продать – кирпичный гараж у дома, дачу в Одинцовском районе, почти все тещины цацки, кроме тех, что она надевала ежедневно. Вторая жена тоже подключилась (общая беда сплачивает людей) – отдала какие-то сбережения, а также сумму, вырученную за продажу дачного участка, на котором пока еще ничего не успели построить.

Несмотря на все старания, денег не хватало. Зашла речь о том, чтобы продать Никину однушку, где они жили втроем. Константина сильно задела бесцеремонность, с которой тесть принял решение о продаже их квартиры. Мол, я тут самый главный и мне решать, когда что продавать. Ну и переезжать в панельную «трешку» Никиных родителей тоже не хотелось… Однако, устраниться от решения проблемы было невозможно – свой человек, отец жены, дед дочери.

«Если настигла беда далеко от дома, то ищи земляка», гласит узбекская пословица. Константин отыскал бывшего школьного приятеля, который свел его со своим двоюродным братом, шурин которого держал подпольную ссудную кассу (в Средней Азии это всегда было в порядке вещей). Проценты, конечно, были грабительскими, других у теневых ростовщиков не бывает, но Константину пошли навстречу как самаркандцу, хорошему человеку и врачу. Получив пять тысяч долларов, через десять месяцев он должен был отдать «всего-навсего» восемь тысяч. А ведь могло бы быть и пятнадцать. При самых же неблагополучных раскладах сумма долга ежемесячно удваивалась.

– Ты ничего не решил, а просто переложил с больной головы на здоровую, – упрекнула Ника, характер которой в последнее время заметно изменился, причем – совсем не в лучшую сторону. – Разве мы можем откладывать по восемьсот долларов в месяц? Особенно сейчас…

Режим жесткой экономии не предусматривал оплату няни, а без нее Ника не могла подрабатывать переводами, потому что Марианночка постоянно требовала внимания и буквально не слезала с рук – разбаловалась у доброй Ольги Григорьевны.

– По восемьсот долларов в месяц – это мало, – заметил Константин. – Откладывать нужно с запасом, как минимум по тысяче. Мало ли что может случиться…

– Напомни-ка, сколько ты заколачиваешь в месяц в своей поликлинике? – ехидно прищурилась жена. – Чует мое сердце, что нам все равно придется переезжать к родителям!

«Можно подумать, что это мой отец по уши вляпался в долги», подумал Константин и решил, что по-хорошему нужно ежемесячно откладывать по полторы тонны «зелени». Тысячу в семейную кубышку, а половину – в свою личную, о которой никому больше знать не нужно, даже Нике.

Сразу же вспомнился один случай из самаркандской жизни. Соседка Лариса Ивановна рассказала бабушке о том, что ее сын Толик, живущий отдельно с женой и сыном, принес матери двести рублей и попросил приберечь их до нужного момента. А через месяц принес еще сто. Толик работал таксистом, да еще и спекулировал потихоньку, так что размеры откладываемых сумм

удивления не вызывали, да и вообще в Самарканде у каждого был свой приварок, даже у мамы-библиотекаря. За то, чтобы получить без очереди дефицитную книгу или журнал, читатели платили рубль, а неделя задержки сверх положенного срока стоила два рубля. Худо-бедно, а вторая зарплата слева набегала всегда, даже в малочитающие летние месяцы.

– Наверное Толик своей Жанночке хочет к Новому году шубу купить, – предположила Лариса Ивановна. – Сюрпризом. Вот и копит втихаря денежку-то.

Вот скажите – зачем нужна шуба в Самарканде, где лютыми зимними холодами считаются три градуса мороза? Причем столбик термометра опускается ниже нуля далеко не каждую зиму, чаще всего зима проходит при плюсовых температурах, а вместо снега выпадают дожди. Однако же любая уважающая себя взрослая жительница Самарканда имела в своем гардеробе как минимум одну шубу. А жены и дочери очень уважаемых людей – обкомовских и райкомовских секретарей, директоров рынков, начальников ремонтно-строительных управлений, прокуроров и высшего милицейского руководства – имели по семь шуб. Недельный, так сказать, запас.

– Он ей другой сюрприз готовит, – возразила бабушка. – Разводиться собрался, вот и завел у тебя, Лара, копилку.

Так и оказалось, бабушкины прогнозы вообще имели обыкновение сбываться. А Лариса Ивановна перестала общаться с бабушкой, посчитав, что это она «накаркала» ее сыну развод.

Пока яблочко не надкусишь – вкуса его не поймешь. Со стороны поликлиника Министерства финансов выглядела истинным Клондайком – ведомственная, крутая, с оказанием коммерческих услуг. Константин рассчитывал быстро набрать клиентуру, которой будет достаточно для безбедной жизни. А дальше… А дальше можно и по административной линии расти, тоже неплохой вариант, да и с докторской возиться не придется. Надежды были самыми что ни на есть радужными, но они разбились вдребезги в первую же неделю работы.

Ведомственные клиенты смотрели на врачей свысока, как на официантов или какую-то иную обслугу. «Это наша поликлиника», любили повторять они, делая ударение на слове «наша». О дополнительных частных консультациях и каком-либо стимулировании врачей и речи быть не могло. Финансисты умеют беречь

копейку и не склонны тратиться там, где можно все получить даром. С коммерческими клиентами дело обстояло еще хуже. За свои деньги, уплаченные в кассу поликлиники, люди желали получить максимум удовольствий. Финансовые работники, по крайней мере, были воспитанными людьми – не тыкали, не матерились, а, если хамили, то изящно, по-московски. А среди коммерческих попадались и брутальные хамы, и отмороженные уголовники, и явные психи. Один при медсестре семиэтажным матом обложит, другой пообещает уши отрезать, если у него сахар за неделю до нормы не снизится (и по глазам видно, что исполнит угрозу), третий закатит такой скандал, что на Красной площади будет слышно… Зарплата так себе, особенно с учетом галопирующей инфляции, а на премии рассчитывать не стоит, потому что деньги текут в поликлинику не полноводной рекой, а скудным ручейком.

Коллеги тоже не радовали – идиот на му…ке сидит и придурком погоняет. В первый же день работы Константин получил по ушам от уролога и невропатолога – с какой стати вы к нам своих диабетиков направляете? Лечите их сами, мы же наш контингент к вам не шлем! А ничего, что у одного пациента с диабетом присутствует выраженная полинейропатия, а другой никак свой хронический цистит вылечить не может? [9 - Полинейропатией называется распространенное поражение периферической нервной системы, а циститом – воспаление слизистой оболочки мочевого пузыря.]

Направил к кардиологу даму с ишемической болезнью на фоне диабета – получил очередной втык. То же самое повторилось с гастроэнтерологом и окулистом. Только хирург Башаров спокойно принимал всех, кого к нему посылал Константин, но лечение назначал по одной и той же схеме, без учета возраста, пола, выраженности симптомов и прочих индивидуальных особенностей.

Попытка переговорить с заведующей консультативным отделением не увенчалась успехом. Яростно сверкнув глазами, непосредственная начальница, ожесточившаяся от своего женского одиночества мегера, объяснила Константину, что в чужой монастырь со своим уставом лезть не стоит – у нас свои традиции и своя специфика. А если кому-то что-то не нравится, то скатертью дорога. И вообще, дайте спокойно доработать до пенсии!

«Ага – доработать! – подумал Константин, глядя в блеклые водянистые глаза заведующей. – Ты до нее еще семь лет назад доработала, да никак не уйдешь, грымза старая».

Перспективы не радовали, уходить было некуда, а тут еще и в долги пришлось влезть. Хороший расклад, ничего не скажешь! Константин начал всерьез обдумывать идею выведения из запоев на дому. Идея была заведомо гнилой – мало на кого нападешь, да мало как процесс пойдет, иногда выводимый и отдуплиться может – и требовала расходов на покупку автомобиля, потому что на себе весь наркологический арсенал таскать невозможно. Опять же, чаще всего вызывают по ночам, когда общественный транспорт не работает, а если раскатывать на такси, то будешь работать в ноль. На тестеву «девятку» зариться не стоило, поскольку тот без нее никак не мог обойтись. А где деньги на машину взять? Снова одалживать? Да и с навыками вождения у Константина дело обстояло не очень-то хорошо. Права он получил в школе, в рамках профессиональной подготовки учащихся. Во время обучения несколько раз поводил грузовик по полупустым самаркандским улицам – вот и все навыки. Для Москвы, с ее адским трафиком, их явно было недостаточно. Но что поделать? Счетчик-то тикает…

От собрания, посвященного разбору итогов прошедшего месяца, Константин ничего хорошего не ждал. Заведующая отделением чуть ли ни каждый день ныла по поводу низкой загруженности и пугала грядущим сокращением штатов. Сокращения Константин не боялся, поскольку в любой уважающей себя ведомственной или коммерческой поликлинике непременно должен быть эндокринолог, причем – в каждую смену, потому что в уважающих себя поликлиниках пациентам не говорят: «приходите к специалисту завтра, сегодня он уже отработал». А в поликлинике Минфина было всего два эндокринолога – Константин и доктор Шипульская, близкая подруга главного врача Валерия Николаевича. Если уволить доктора Иванова, то Шипульской придется сидеть на приеме с девяти утра до восьми вечера. У нее же тогда сил не останется на то, чтобы одаривать главного своей пылкой любовью. А вот от гастроэнтерологов или пульмонологов запросто можно отказаться, переложив их функции на терапевтов.

Выступление главного врача по духу походило на плач Ярославны в Путивле. Все плохо, да так, что хуже некуда, скоро зарплату начнем задерживать, как в других местах, может хоть тогда вы почешетесь… А что сотрудникам «чесаться»? Они работают по заведенному стандарту: «бери меньше, кидай дальше и киряй пока летит». Никто не хочет принять «лишнего» пациента, но каждый жаждет великих премий. Откуда взять деньги? А об этом пусть Валерий Николаевич думает, на то он и главный врач.

Константин еще на собеседовании понял, что руководитель из Валерия Николаевича как из фекалии боеприпас. По лицу видно, что слабохарактерный, да еще и мямля. К месту вспомнилось из чеховского «Рассказа неизвестного человека»: «это была натура рыхлая, ленивая до полного равнодушия к себе и плывшая по течению неизвестно куда и зачем». «Явно чей-то ставленник», подумал Константин и не ошибся – Валерий Николаевич был зятем министерского управдела. По уму такому тюфяку полагался активно-пробивной начмед,[10 - Жаргонное название должности заместителя главного врача по медицинской части.] но начмед была как две капли воды похожа на непосредственную начальницу Константина – шестьдесят лет, мало ума, сволочной характер плюс боязнь любых перемен. Мы в глубокой ж. пе, но менять ничего не хотим – как вам такой оксюморончик?

«А что, если помочь человеку?», подумал Константин, когда главный врач закончил свое унылое выступление.

Мысль выглядела крайне соблазнительной, но в случае неуспеха Константину грозили серьезные неприятности – грымза-заведующая непременно отыграется на наглеце, покусившемся на ее место. Житья не даст – выживет. И куда тогда идти?

«А никуда! – зло сказал самому себе Константин. – Срывов быть не должно. Отступать некуда – позади восьмитонный долг!».

Слова обретают силу, когда попадают на бумагу. Вечер Константин посвятил созданию замечательного плана с цветными диаграммами (он вообще любил диаграммы и графики, потому что наглядное способствует пониманию). Для пущей убедительности нужен был яркий пример со стороны. Недолго думая, Константин придумал себе однокашника, работавшего в мидовской поликлинике и снабжавшего его инсайдерской информацией. Поликлиника Министерства иностранных дел была у всех на слуху и говорили о ней с завистливым придыханием. А как не завидовать, если тамошние медсестры получали вдвое-втрое больше «минфиновских» врачей?

Инсайдерскую информацию Константин высосал из пальца – пойди проверь, как оно там на самом деле. Для хорошего начала требовалась эффектная фраза. Поразмышляв, Константин остановился на: «никто не поможет нам, кроме нас самих!».

Ознакомившись с планом, главный врач задумчиво пожевал губами и сказал:

– Выглядит соблазнительно, но Клавдия Ефимовна на это никогда не пойдет.

Клавдией Ефимовной звали заведующую консультативным отделением, непосредственную начальницу Константина.

– Не пойдет, – согласился Константин. – А вот я – пойду.

Главный врач посмотрел на него с недоверчивым удивлением.

– Есть еще одно… хм… обстоятельство, – быстро сказал Константин. – Если вы назначите меня заведующим и предоставите полную свободу действий, то ежемесячно будете получать хороший бонус. Точных цифр назвать не могу, но на штуку баксов можете рассчитывать твердо.

– Вы меня покупаете? – недоверчивости во взгляде главного врача прибавилось.

– Да, – кивнул Константин. – А вы разве против?

Утром следующего дня Клавдию Ефимовну госпитализировали по «скорой» из кабинета главного врача, где она закатила истерику, плавно перешедшую в сердечный приступ. Ничего удивительного – на седьмом десятке не стоит давать эмоциям слишком много воли. Исполняющим обязанности заведующего консультативным отделением главный врач назначил Константина. Спустя месяц, сразу же после выплаты первого «бонуса» в размере полутора тысяч долларов, Константин стал полноправным заведующим.

Внедренный им метод работы, Константин про себя поэтично называл «методом перекрестного опыления». Суть его заключалась в принципе: «заработал сам – дай заработать коллеге». Все пациенты, и ведомственные, за которых платило министерство, и коммерческие, оплачивающие все «удовольствия» из собственного кармана, вне зависимости от их диагнозов, направлялись на консультацию к кому только можно. Дело же нехитрое. И весьма прибыльное.

Допустим, пациент пришел к невропатологу с жалобами на боли в пояснице, явно вызванные остеохондрозом позвоночника. Консультация терапевта для

исключения заболеваний внутренних органов нужна? Нужна, однозначно. Кардиолог тоже не помешает, потому что инфаркт миокарда иногда маскируется лучше Штирлица, проявляясь болями самой неожиданной локализации. Консультация уролога для исключения мочекаменной болезни? Обязательно! Гастроэнтерологу тоже не помешает показаться, поскольку заболевания кишечника часто маскируются под остеохондроз. Мимоходом можно (и нужно!) спросить про сухость во рту и под этим соусом направить к эндокринологу, поскольку этот симптом наблюдается при сахарном диабете. Окулист нужен всем подряд, поскольку в наше время найти взрослого человека без какой-то «зрительной» патологии практически невозможно. И у кого хоть изредка не шумит в ушах? А это повод для назначения консультации отоларинголога. Аллергологу тоже нужно показаться, поскольку аллергия часто служит фоном для развития других заболеваний. Ну для полного комплекта не помешает консультация проктолога – вдруг это опухоль прямой кишки проявляется болями в спине? Что у нас осталось? Диетолог? К диетологу направлять всех без исключения, поскольку правильное питание – основа здоровья! Жаль, конечно, что пациент – мужчина, а то можно было бы и гинекологу его показать…

Константин строго-настрого предупредил врачей, что тот, кто станет закрывать консультацию одним осмотром без назначения каких-либо обследований, вылетит из поликлиники впереди собственного визга. В диагностическом отделении работают наши коллеги, которые тоже хотят жить хорошо. Так что сознавайте и соответствуйте! На первом приеме назначили обследование, на втором – оценили результаты и даже в том случае, если придраться совершенно не к чему, извольте назначить контрольную явку через три месяца. Про физиотерапию и лечебную физкультуру тоже забывать нельзя. Вдох глубокий, руки шире, наклонились, присели – это никому не нужная самодеятельность. Правильные занятия физкультурой, занятия, которые лечат, а не калечат, возможны только под руководством опытного врача и только по индивидуальному плану, для разработки которого нужно посетить ряд врачей-специалистов.

На третьем месяце своего заведования Константин поднажал на главного, чтобы тот поднажал на своего тестя с целью получения средств на переоснащение лаборатории. В результате получилась не лаборатория, а конфетка. Точнее, не конфетка, а курочка, несущая золотые яйца, да еще и с пулеметной скоростью. Мощности обновленной лаборатории позволяли брать анализы на стороне. Оценив перспективы, Константин (руками главного врача, разумеется) заменил заведующую лабораторией на знакомую и крайне вменяемую даму, прежде

работавшую в Центре эндокринологии. С ней стало возможным делать деньги буквально из воздуха – набирать заказы на стороне и передавать их за процент в другие лаборатории. Дел на копейку, прибыли – на сто рублей!

Константин мог бы погасить свой подпольный кредит заранее, но уговор не предусматривал снижения суммы в случае досрочного погашения, так что торопиться не было смысла. Погасил день в день, имея в придачу пару тысяч долларов в семейной кубышке и шесть тысяч в личной-потаенной. Наличие потаенной кубышки было продиктовано не стремлением к разводу с Никой, а нежеланием «закрывать» будущие косяки тестя (в том, что они последуют не было никаких сомнений).

Жизнь вошла в колею и катилась по ней гладко. Когда сумма ежемесячных «бонусов» выросла до трех тонн «зелени», Константин сказал главному врачу, что это еще не предел, но в заведующих отделением ему тесно, нет возможности развернуться вовсю. Спустя три дня он стал заместителем главного врача по медицинской части (хорошо, что на сей раз обошлось без вызова «скорой» – предшественница тихо сложила в коробку личные вещи и ушла навсегда).

– Костик, а как же наука? – спрашивала едва ли не при каждом телефонном разговоре бабушка, мысленно видевшая внука действительным членом Академии наук и лауреатом всех существующих премий.

– Наука подождет, Полли! – отвечал внук. – Времена нынче не научные, а практические.

Глава четвертая

Самец богомола

Константин понимал, что после рождения ребенка в их семейной жизни многое изменится. Прежде они с Никой жили друг для друга, а теперь на первое место вышла дочь. Это естественно, это логично, это правильно, но…

Но Константин представлял все как-то иначе.

Родив дочь, чудное создание по имени Ника превратилось в раздражительную молодую женщину, предпочитавшую в общении с мужем категорично-приказной тон. От бесконечных «не сейчас!», «тише!», «ты с ума сошел?!» и прочего такого Константин был готов лезть на стенку. Был готов, но не лез. Сначала списывал все неприятные изменения на непривычность ситуации (ребенок-то первый) и гормональную перестройку, затем – на нервотрепку, вызванную тестевым попадаловым, некоторое время занимался самоанализом, пытаясь понять, не кроется ли причина изменения поведения жены в нем самом, а когда понял, что зашел в тупик, решил посоветоваться с тестем. Бывалый человек с двойным семейным опытом мог дать хороший совет.

– Эк тебя прижало! – посочувствовал тесть, выслушав длинный монолог зятя. – А чего ты хотел? Внешностью Вероника пошла в мою мать, царствие ей небесное, а характером – в свою. Ты думаешь, что у меня вторая семья появилась, потому что я такой поб…дун? Нет, для этого дела вторую семью заводить не обязательно. Юлька дает мне то, чего от Аньки не дождешься – душевное тепло. В Бронницах я чувствую себя человеком, а не… – тесть поднял правую руку и крутанул ею в воздухе так, словно вворачивал лампочку в патрон. – Для Аньки один свет в окошке – Вероника, а для Вероники – Марианночка. Порода у них такая – суперматери, но хреновые жены.

– Советуете завести вторую семью? – спросил Константин, поняв, что зря он затеял этот разговор – ничего путного тесть посоветовать не может, поскольку дураки не способны давать хорошие советы.

– Семью не семью, а душевная ласковая баба тебе определенно требуется! – хохотнул тесть и ободряюще хлопнул зятя по плечу. – Чтобы отогрела немного, а то ходишь, как замороженный…

В завершение разговора, тесть с умным видом объяснил Константину (человеку с высшим медицинским образованием и бывшему председателю школьного биологического кружка!), что разделение гендерных ролей заложено природой. Мужчины стремятся поиметь как можно больше женщин, а женщины стремятся родить от лучшего из кандидатов и поиметь с него по максимуму всяческих благ для ребенка, ну и для себя тоже. Так что – терпи, дорогой зять, ведь против биологии не попрешь.

К этому моменту доканчивали третью поллитровку и сблизились настолько, что могли читать мысли друг друга. Стоило только Константину подумать о том, что теща по жизни заколачивала гораздо больше тестя, как тесть ехидно прищурился и спросил:

– А кто ее содержал, пока она институт заканчивала и с мало?й сидела? А после она два года в управлении кантовалась на восьмидесятирублевой зарплате, места хорошего ждала. А когда дождалась кто за место пятнадцать тысяч заплатил? Пушкин? Нет – Сашка Вышеградский! – тесть ткнул себя указательным пальцем в грудь. – Я еще на четвертом курсе бригаду сколотил и нормальные деньги зарабатывать начал! Я… ик!.. Сенкевичу из телевизора ремонт делал… И не только ему одному…

Короче говоря, пришел Константин к тестю с душевной болью, а ушел с головной. Выпить ноль семьдесят пять под хорошую закусь для него проблемы не составляло, но видимо в последней бутылке, выставленной тестем в ответ на две, принесенные зятем, была паленая водка. А потому что нечего покупать пойло где попало. Сам Константин затаривался крепкими напитками в известном на всю Москву магазине, расположенном в Столешниковом переулке. Дело было не в статусе магазина, а в знакомых продавщицах, которые своим людям абы чего не продавали.

Душевная ласковая баба у Константина на примете имелась. Даже не на примете, а буквально под рукой – новая медсестра Евгения Денисовна (она же – Женечка), пришедшая в поликлинику пару месяцев назад. Главная медсестра имела обыкновение «обкатывать» новеньких под присмотром наиболее правильных врачей, поэтому Женечка сразу же угодила на прием к Константину, который, став заместителем главного врача, сохранил за собой полставки эндокринолога. Не хотелось целиком уходить в административную работу, так можно и специальности лишиться, ведь знания держатся в голове до тех пор, пока регулярно используются. Да и для того, чтобы держать руку на пульсе, контролируя лечебный процесс, было полезно вести прием пациентов.

Как выяснилось позже, когда между ними установились близкие отношения, Женечка преподнесла главной медсестре французские духи за то, чтобы та поставила ее работать с доктором Ива?новым. Увидела его в коридоре, когда пришла устраиваться на работу, влюбилась с первого взгляда и начала действовать… Однако симпатичный доктор в течение полугода игнорировал щедрые Женечкины авансы, а если она предпринимала атаки, то ускользал с

вежливой ловкостью опытного фехтовальщика. Бедная Женечка начала сомневаться в ориентации Константина Петровича и это сомнение ввергло ее в меланхолию. Не столько было жаль напрасно подаренных духов, сколько несбывшихся надежд.

С ориентацией у Константина все было в порядке, то есть – в полном соответствии с природными установками. Женечку он находил не только милой, но и весьма соблазнительной, но романов на стороне заводить не собирался. Не хотелось, чтобы их семейная жизнь превратилась в подобие той, что у тещи с тестем – оба ходят налево, а вместе живут по привычке и потому что ребенок должен расти в полноценной семье. А послушаешь, как этот самый ребенок иногда высмеивает мамочку и папочку… Эх, да что там говорить!

С раннего детства мама и бабушка учили Константина тому, что с людьми надо уметь договариваться. Всегда, в любых случаях. Разумные люди понимают слова, а с неразумными лучше вообще не иметь дела. Следуя этому правильнейшему совету, Константин решил поговорить с Никой по душам. Не высказывать ей претензии – Боже упаси! – а просто обсудить то, что требовало обсуждения, начиная с половой жизни, сведшейся к двум-трем равнодушно-быстрым сближениям в месяц, и заканчивая всей домашней атмосферой в целом, которая из теплой и уютной превратилась в какую-то колючую, ледяную. Хотелось сесть рядком, поговорить ладком и вернуть себе ту, прежнюю, Нику, свой любимый одуванчик (кудряшки были единственным, что не изменилось в жене со дня знакомства).

Вечером, накануне запланированного разговора, Константин сказал Нике, что ему захотелось шарлотки, «такой, как тогда, ну ты помнишь…». Он рассчитывал на то, что приготовление шарлотки настроит Нику на благостно-ностальгический лад… Может, и проговаривать всего не понадобится, иногда один страстный поцелуй может заменить тысячу слов.

– Сходи в «Сластену», – посоветовала Ника, не отрываясь от переводимого текста.

В последнее время она начала заниматься переводами договоров и прочей документации для совместных предприятий. Занятие было выгодным (гораздо более выгодным, чем делать переводы для студентов иняза), но крайне ответственным, поскольку одно неверно переведенное слово или предложение могло повлечь за собой большие проблемы.

«Сластеной» называлось кафе в доме напротив. Днем оно работало для всех, а по вечерам здесь собирались бритоголовые амбалы в кожаных куртках или малиновых пиджаках. На двери вывешивалась табличка «Закрыто на спецобслуживание», а рядом выставлялся страж, бдительно наблюдавший за тем, чтобы припаркованным у кафе иномаркам, одна другой круче, не чинилось какого-либо ущерба.

– Разве их шарлотка может сравниться с твоей! – Константин закатил глаза и восхищенно поцокал языком. – Испеки, а? Очень хочется. Помнишь, как ты меня в день нашего знакомства шарлоткой угощала?

– С памятью у меня хорошо, – констатировала жена, продолжая писать черновой вариант перевода. – И я что-то не помню, что в нашем брачном контракте есть пункт о том, что я должна готовить шарлотку по первому требованию. Нашел себе Изауру![11 - Намек на популярный в то время бразильский телесериал «Рабыня Изаура».]

Брачный контракт был занозой, крепко засевшей в душе Константина. «Надо бы нам подписать одну бумажку, чтобы мои шнурки не дергались», сказала Ника, незадолго до свадьбы. Константин тогда пребывал в таком состоянии, что готов был подписать ради Ники все, что угодно, вплоть до согласия на собственную казнь. Помрачение нашло, любовный морок. Контракт предусматривал, что все имущество, приобретенное супругами в браке, а также полученное в дар, является собственностью получателя или приобретателя. Проще говоря – любовь любовью, а табачок врозь. С одной стороны, раз родителям невесты так хочется, то почему бы не подписать? С другой – кем они его считают? Брачным аферистом? Неприятно как-то.

– Это было не требование, а просьба, – уточнил Константин, пытаясь обуздать накатившее раздражение. – Просто захотелось твоей шарлотки. Извини, если обидел, я не хотел.

Перед важным разговором не стоило обострять отношения, тем более что шарлотки уже расхотелось.

– Ты не хочешь, но, тем не менее, постоянно меня обижаешь! – Ника наконец-то соизволила оторваться от бумаг. – Ты меня не уважаешь! Ты меня используешь! Как повара! Как уборщицу! Как прачку! И как проститутку тоже! Я должна тебя

обслуживать-обстирывать, раздвигать по первому требованию ноги, а если что-то не так, то ты сразу устраиваешь скандал! Вот как сейчас!

– Я сейчас устроил скандал? – переспросил Константин, обалдев от обрушившихся на него несправедливых обвинений. – По-моему…

– Вот! – взвилась Ника. – Ты всегда хочешь, чтобы все было по-твоему! А на нас с Мариночкой ты х… положил!

Крик разбудил недавно уложенную дочь. Ника взяла ее на руки и начала укачивать, сопровождая процесс комментариями.

– Папочка разбудил Мариночку… Ай, какой нехороший папочка… Он думает только о себе… Не плачь, милая, мамочка рядом… Мамочка не даст тебя в обиду…

«Какой белены она объелась? – обреченно подумал Константин, глядя на криво улыбающуюся жену. – Устроила скандал на ровном месте, навыдумывала черт знает чего, а теперь ребенка против меня настраивает… Разве я кого-то хочу обидеть?».

Надо было что-то возразить, но голос разума советовал соблюдать осторожность, поэтому Константин выбрал самое нейтральное из возможных возражений.

– Мариночка и Марианна – это разные имена, – сказал он, стараясь говорить, как можно мягче. – Марианну можно называть Машенькой или Анечкой…

– Да пошел ты! – грубо огрызнулась жена, прикрываясь дочерью, как щитом. – Достал своим занудством, честное слово! Я не Ивано?в, а Ива?нов! Командир козлов-баранов!

Константин действительно не любил, когда в его фамилии неправильно ставили ударение. Отец еще в детстве объяснил, что они – Ива?новы. Так правильно, если не веришь, то можешь у Антона Павловича Чехова спросить, у него пьеса есть про нашего однофамильца. Ну и что с того, что все вокруг произносят Ивано?в? Известно же, что на одного умного десять дураков приходится.

Раньше Ника воспринимала «пунктик» по поводу ударения нормально и никогда не позволяла себе шуток на эту тему. Тем более – таких грубых.

– Камандил казлов-баланов! – повторила дочь и показала Константину язык.

– Я не командир козлов-баранов, – с прежней мягкостью сказал Константин, глядя в окно, за которым открывался типично блоковский пейзаж – ночь, улица, фонарь, аптека, бессмысленный и тусклый свет. – Я самец богомола. Я оплодотворил самку и теперь можно есть меня поедом, потому что больше я не нужен. Можно и вообще сожрать…

– Что ты несешь?! – злость в голосе Ники сменилась удивлением. – К чему ты клонишь?

– К тому, что мы разводимся! – объявил Константин. – Так для всех будет лучше…

На следующий день к его возвращению Ника испекла шарлотку. Вроде как к приходу родителей, которые явились следом за Константином. Тесть был сильно навеселе, а теща – крепко на взводе. Константин хотел было уйти, но не хотелось портить дочери настроение. Марианночка (а не Мариночка!) непременно огорчилась бы – как же так? Пришли гости, а папа уходит. Дочь любила гостей и застольные посиделки.

Тесть сразу же начал вещать о том, что самое важное в семейной жизни – уметь прощать. Пока он разглагольствовал, теща сверлила Константина недружелюбным взглядом, а когда тесть заткнулся, сказала свое слово – разбить свое счастье легко, а вот склеить обратно невозможно.

– Совершенно верно, Анна Никитична, – подхватил Константин. – Наш горшок уже разбился поэтому развод будет лучшим выходом из сложившейся ситуации.

– Но ты понимаешь, что потеряешь не только Нику, но и Марианночку? – уточнила теща.

Константин молча пожал плечами – и что теперь? Терпеть всю жизнь эту вздорную бабу, сохраняя видимость полной семьи? Слуга покорный!

После ухода гостей он стал сооружать себе ночлег на кухне – придвинул к угловому диванчику стулья, положил сверху два одеяла, накрыл простыней, поставил на стол будильник…

– Это лишнее, – прокомментировала Ника, иронично наблюдавшая за его действиями. – Кровать у нас большая, мог бы спать там.

– У тебя, – поправил Константин, поскольку двуспальная кровать была свадебным подарком родителей Ники. – Извини, но я не привык спать в одной кровати с кем попало.

Эти слова поставили в их отношениях точку. На следующий день Константин договорился с Валерием Николаевичем о том, что он несколько дней поживет в своем кабинете, пока не снимет квартиру. Покидая дом, так и не ставший родным, забрал с собой только то, что когда-то принес, и то, что покупал себе сам.

– Зачем мне галстуки и запонки? – поинтересовалась Ника, вертя в руках подарки своих родителей.

– Передашь моему преемнику вместе с моими глубочайшими соболезнованиями, – ответил Константин.

Диспозиция изменилась – теперь уже Ника пыталась сгладить, а он обострял. Не из вредности, нет, а для того, чтобы дать понять, что возврата к прошлому быть не может.

В поликлинике Константин провел всего одну ночь, а затем переехал к Женечке, в район со былинным названием Карачарово.

– Кара за чары, – объяснила Женечка. – Здесь когда-то стоял монастырь, в который ссылали на перевоспитание распутных женщин. Таких, например, как я…

– Ну какая же ты распутная! – возразил Константин. – Нечего на себя наговаривать.

– Распутная, распутная! – настаивала Женечка. – Увела мужика из семьи, оторвала от дочери…

Вообще-то все было совсем не так. Сначала Константин ушел из дома и поселился в своем рабочем кабинете. На следующий день, по окончании приема, Женечка заперла дверь на ключ, увлекла Константина на кушетку, уложила на спину и изнасиловала (а как еще называть процесс, в котором вся инициатива, полностью и безраздельно, принадлежит одному из партнеров?). Придя в себя, Константин проявил встречную инициативу… В двенадцатом часу ночи Женечка сказала, что в кабинете очень романтично, но дома удобнее и они поехали к ней.

Женечка никого из семьи не уводила. Она просто согрела своей любовью ушедшего из семьи Константина, но ей нравилось чувствовать себя коварной разлучницей, распутницей и вообще пропащей женщиной, бросившейся в свою любовь, как в омут. Константину больше всего нравились в ней открытость и темперамент. Женечка щедро дарила ему свою любовь и всегда была готова устремиться навстречу – только мигни!

С Вероникой же дело обстояло совершенно иначе. Та преподносила свою любовь не как дар, а как награду, взвешенно, рачительно, без каких-либо излишеств, и откликалась далеко не на каждый порыв Константина. В Самарканде про таких говорили: «выделывается так, будто у нее это место из золота». Да, поначалу все было совсем не так, но то, что было, давным-давно прошло. Константин пытался найти в этой скупости свою прелесть – мол, желание разгорается сильнее, но сейчас он понял, что щедрость разжигает желание сильнее всего. С Женечкой он установил личный рекорд – семь сближений за ночь и после долго удивлялся открывшимся в нем способностям.

На суд Ника явилась в сопровождении матери, которая явилась только для того, чтобы высказать Константину накопившееся.

– Променял семью на какую-то проститутку, – шипела Анна Никитична, гадливо кривя губы. – На медсестру! Тьфу! Имей в виду, что долго ты в этой поликлинике не проработаешь! Я тебя туда привела, я тебя оттуда и вышибу! И не рассчитывай больше никогда на хорошую работу!

– Вольному воля, спасенному рай, – вежливо ответил Константин, удивляясь тому, как он когда-то мог считать эту змею хорошим человеком, а ее дочь –

лучшей из женщин.

Угрозы его не испугали. Может и вышибла бы, да руки коротки. Никина мать водила знакомство с бывшей заместительницей главного врача по медицинской части. Именно та в свое время замолвила словечко за Константина перед главным врачом. Но сейчас предшественница ничем навредить не могла. Так что утритесь-успокойтесь, дорогая Анна Никитична, никто вас всерьез воспринимать не собирается. А некоторые медсестры, если хотите знать, гораздо лучше истеричек с высшим образованием, Морис Торез их побери![12 - Вуз, в котором училась Ника и который она называла «инязом» полностью назывался Московским государственным институтом иностранных языков имени Мориса Тореза, бывшего генеральным секретарем Французской коммунистической партии с 1930 по 1964 годы.]

Убедившись в том, что Константин хорошо справляется со своими новыми обязанностями, Валерий Николаевич отбыл в отпуск, назначив его исполняющим обязанности главного врача.

– Наконец-то отдохну спокойно, не дергаясь, – сказал он Константину. – Там, – последовал тычок указательным пальцем вверх, – немного напряглись, что я оставляю поликлинику на только что назначенного заместителя, но я их заверил, что ты справишься.

– Буду стараться! – бодро пообещал Константин.

В качестве «отпускных» Константин выдал главному врачу три штуки баксов. Гуляй-отдыхай, отец родной, ни в чем себе не отказывай!

Эх, надо было дать меньше, чтобы Валерий Николаевич отдыхал с оглядкой. А так он улетел в Черногорию, где пустился во все тяжкие в смысле еды и выпивки. Все эти чевапчичи, пршуты да плескавицы, обильно запиваемые ракией, довели любимого начальника до панкреонекроза.[13 - Панкреонекрозом называется омертвление тканей поджелудочной железы. Провоцируется жирной едой в сочетании с большим количеством спиртного.] Был человек – и не стало человека. Обратно Валерия Николаевича привезли в цинковом гробу.

Константин сильно расстроился. Валерия Николаевича было жаль и как неплохого, в сущности, человека, и как начальника, с которым установились

взаимовыгодные отношения. Неизвестно, удастся ли сработаться с новым главным врачом… Правильнее всего было занять эту должность самому. Константин осторожно провентилировал вопрос о своем назначении в Минфине, но получил категорический отказ – у нас своих кандидатур хватает и какие-то «левые выскочки» (да, так вот и сказали) нам не нужны.

С кандидатурой при этом долго не могли определиться. Оно и к лучшему, потому что все это время Константин добросовестно исполнял обязанности главного врача, пытаясь извлечь из этого исполнения как можно больше выгоды. Было такое чувство, что новый главный врач выпрет его не только из заместителей, но и из поликлиники.

Интуиция не подвела. Новый главный, гармонично сочетавший имя Тимур с отчеством Рюрикович и фамилией Блувштейн (анекдот! кому расскажешь – не поверят) поблагодарил Константина за сохранение «хозяйства» в должном порядке и тут же, не меняя дружелюбного тона, посоветовал в срочном порядке подыскивать себе другое место работы. Почему? Да потому что нам с вами в одной поликлинике будет тесновато. Константин оценил благородство нового начальника, предоставлявшего ему возможность уйти с должности заместителя главного врача.

Прямо в кабинете Тимура Рюриковича Константин написал два заявления – о предоставлении ему очередного отпуска, отгулять который все никак не удавалось (дела не отпускали), и об увольнении по собственному желанию. Тимур Рюрикович понимающе усмехнулся и написал на обоих заявлениях: «В приказ!».

Узнав о его увольнении, уволилась и Женечка.

– Мне там все равно жизни не дадут, – сказала она. – Будут стараться укусить на каждом шагу. Оно мне надо?

Опытная и ответственная медсестра, да вдобавок еще и москвичка, нацеленная на стабильную работу, ценится на вес золота. Женечка искала работу полчаса. Позвонила подруге, с которой когда-то вместе окончили училище, поболтала о том-сем, а потом спросила, не нужны ли в ее богадельне медсестры. Подруга ответила, что для своих всегда что-то найдется и вопрос был решен.

– Почему «богадельня»? – поинтересовался Константин. – Это дом престарелых?

– Нет, это медсанчасть машиностроительного завода «Гроза», – в голосе Женечки отчетливо прозвучала гордость. – Просто Танька называет ее «атомной богадельней».

– Ничего не понял…

– «Гроза» – это секретный завод, на котором делают ракеты, – ответила Женечка тоном матери, объясняющей ребенку прописные истины. – Не космические, а ядерные. Медленно ракета уплывает вдаль, встречи с нею ты уже не жди, и хотя Америку немного жаль, наш Союз, конечно, впереди… – последнюю фразу Женечка пропела, дирижируя указательными пальцами. – Потому и «атомная». А «богадельня» – потому что там работают одни старики да старухи. Как пришли еще при Брежневе, так и сидят, никуда не уходят. А что уходить? Премии завод платит огроменные, очередь на квартиру раньше была пять лет, а на машину – всего год, путевки дают хоть в Сочи, хоть в Крым, хоть в Подмосковье, в детском садике всегда есть места… Танька меня давно звала, да мне раньше не хотелось работать рядом с домом. Это же так скучно! А теперь у меня есть любимый мужчина и мне хочется возвращаться домой с работы как можно быстрее, не тратя времени на дорогу. Меняются времена – меняются и обстоятельства. Если хочешь, то я могу и насчет тебя удочку закинуть. А вдруг? Станем снова работать вместе, – она мечтательно зажмурилась и сладко потянулась. – Спросить?

– Спроси, – разрешил Константин, собиравшийся искать работу наугад, без каких-либо наводок. – Это, как я понял, где-то рядом?

Подруга удивленно вытаращилась на него.

– Сколько уже ты у меня живешь? И до сих пор не знаешь, что на той стороне Рязанского проспекта находится завод «Гроза»? Да у нас любого малыша в песочнице спроси, он тебе покажет!

«Хорош секретный завод! – усмехнулся про себя Константин. – Все дети его знают. Впрочем, ничего удивительного…».

В Самарканде было всего одно секретное учреждение – отдел Института космических исследований Академии Наук СССР. В народе его звали «секретным институтом» и держали за важный ориентир. Например говорили: «он у секретного института живет, ну, знаете, того, в котором космос изучают» или просили таксиста остановиться напротив проходной секретного института.

Ночью, после двукратного сближения с любимой женщиной и духоподъемного разговора на тему «все перемены – к лучшему», Константин долго думал о том, что случайностей в жизни не бывает. Все, что кажется нам случайным, просто не укладывается в рамки нашего понимания. Высший замысел непостижим, но логичен (в обратное верить не хочется)… Возможно, что знакомство с Никой и женитьба на ней были нужны только для того, чтобы попасть в поликлинику Минфина, где он встретил Женечку, которая сейчас так мило посапывает рядом…

«А знакомство с Женечкой нужно тебе для устройства в атомную богадельню», сказал внутренний голос.

Константин подумал, что было бы здорово так вот, с ходу, устроиться куда-то заместителем главного врача. И Тимуру Рюриковичу он этим нос бы утер и драгоценной бывшей теще. Но тут же суеверно одернул себя – не забегай вперед, дружище! Известно же, что загад не бывает богат!

Глава пятая

Атомная богадельня

Интерес к атомной богадельне пропал еще на подходе к ней, когда Женечка, которую Константин вызвался проводить до нового места работы (надо же знать, где находятся секретные заводы!) сказала:

– Давай здесь простимся, тебя все равно через проходную не пустят.

– А если я пришел анализы сдать? – удивился Константин.

– У всех должен быть пропуск, разовый или постоянный. Это же не простой завод! – укоризненно напомнила любимая женщина. – Здесь и сумки-портфели досматривают. Вдруг ты на завод фотоаппарат захочешь принести или чертежи какие-нибудь с завода вынести.

Воображение моментально нарисовало картину посещения заводской медсанчасти каким-то посторонним кандидатом в пациенты.

«– Что это у вас?

– Фотоаппарат. Я, знаете ли, увлекаюсь фотографией, а именно жанровыми снимками. Это изображение повседневной жизни человека…

– Руки вверх! Лицом к стене! Ах ты, падла шпионская! Знаем мы ваши жанровые снимки!».

Или так.

«– Что это у вас за чертеж? Откуда?

– Да никакой это не чертеж, а схема подключения водонагревательного бака…

– Руки вверх! Лицом к стене! Ах ты, падла шпионская! Знаем мы ваши баки!».

Нет, ну ее к шайтану, эту медсанчасть. Ни один здравомыслящий коммерческий клиент через такие издевательства проходить не захочет, а там, где нет живых «коммерческих» денег, работать не имеет смысла.

Попрощавшись с Женечкой, Константин вернулся домой (квартиру любимой женщины он уже привык считать своим домом), взял свежий номер газеты объявлений «Из рук в руки» и начал обзвон потенциальных работодателей. В первом же купленном номере нашлось около двадцати привлекательных на вид объявлений. «В крупный медицинский центр требуется помощник руководителя…». «Европейская клиника ищет энергичного и инициативного врача на должность руководителя филиала…». «Врачи с ученой степенью приглашаются в клинику профессора Оскаро?вского. Отличные условия, возможность быстрого карьерного роста…». «В крупную страховую компанию

требуется директор медицинского департамента…».

Со страховой компании Константин и начал. Не потому, что это объявление было первым среди избранных, а потому что страховая компания – это золотое дно. Для тех, кто понимает.

Набрав на завтрашний день шесть приглашений, Константин решил, что этого более чем достаточно – уж одно из шести точно должно было бы выстрелить. Всюду с ним разговаривали приветливо, а когда узнавали про степень и опыт работы заместителем главного врача ведомственной поликлиники, то градус расположения резко повышался. Так и подмывало позвонить Тимуру Рюриковичу и рассказать ему о том, что с первого же обзвона доктор Иванов получил шесть приглашений на собеседование. Однако, Константин благоразумно удержался от звонка – лучше сделать это позже, после устройства на новую работу. Вместо Тимура Рюриковича он позвонил в Самарканд.

На звонок ответила мама, что сильно порадовало. Бабушка после развода всякий раз начинала «лечить» внука – поспешил с женитьбой, людей насмешил, а нас огорчил, а затем развелся, несмотря на наличие ребенка. А разве Марианночка в чем-то виновата? Раза три или четыре Константин терпеливо объяснял, что дочь ни в чем не виновата, но лучше уж пускай она живет с матерью в спокойной обстановке, нежели наблюдает постоянные ссоры между родителями. А ссоры были бы непременно, потому что все пошло не так, как хотелось… Кто в этом виноват? А никто! Просто жизнь так сложилась.

– Я же не переживаю из-за того, что мама развелась с отцом, – сказал Константин в качестве ultima ratio regum.[14 - Последний довод королей (лат.).]

– Ну ты сравнил! – ужаснулась бабушка. – Где твой отец-охламон и где ты? Нам без него только лучше стало.

Разумеется, у отца были свои недостатки, но на охламона, то есть бестолкового и ленивого человека он не походил нисколько. Впрочем, у тещ свои представления в отношении зятьев. Константина, небось, тоже считают охламоном… Впрочем – нет! С ним все гораздо хуже. Он – гнусный негодяй, променявший семью и ребенка на какую-то медсестру-проститутку, человек ниоткуда, которого приняли в приличную московскую семью, а он отплатил за все благодеяния черной неблагодарностью… (бывшая теща много еще чего

наговорила, но все подряд вспоминать не хотелось).

Внук, в свою очередь, пенял бабушке на то, что она не хочет перебираться из Самарканда в Москву, несмотря на все угнетающие реалии тамошнего независимого бытия.

– Да ты сначала сам устройся, а потом уже нас с места сдергивай! – отвечала бабушка. – Нам и тут неплохо, дай Бог, чтобы тебе в Москве так было.

С матерью же можно было поговорить без взаимных упреков и приевшихся оправданий. Константин сообщил, что решил сменить место работы, потому что в поликлинике Минфина ему «стало тесно», расспросил о самаркандских делах и состоянии здоровья, влегкую намекнул на то, что уезжать из цветущего независимого Узбекистана все равно придется (пусть он цветет дальше без нас), и дал парочку советов медицинского характера. В Самарканде к 1995 году стало плохо с врачами. Русские, евреи, армяне, греки и прочие представители некоренных национальностей поуезжали, а коренным врачам, в большинстве своем поступавшим и учившимся за деньги или по блату, особого доверия не было.

– Как-то не так я представляла твое будущее, – грустно призналась мама в завершение разговора.

Ясное дело – матерям всегда хочется самого лучшего для своих детей. А получается так, как сложилось. А складывается так, как фишка ложится. В общем – снявши голову, о волосах не плачут и лучше всего никогда не оглядываться назад.

Ни разу в жизни, даже в своем неудачном браке, даже при знакомстве с московским общежитием, Константин не обламывался так сурово, как в первый день поиска работы по газетным объявлениям. Свободный полет обернулся хождением по мукам в прямом смысле этого слова, ведь разочаровываться очень мучительно (и счастлив тот, кто этого пакостного чувства никогда не испытывал)

В страховой компании Константин пообщался с председателем совета директоров. Судя по наколотым на пальцах перстням (азы этой азбуки в Самарканде знали все, такой уж был город) уважаемый председатель достойно

отсидел на малолетке, был принят в ряды уважаемых людей, а затем отбыл срок за убийство.

– Мы тут бабло рубим, а не дурью маемся, – объяснил соискателю Председатель. – Нужен четкий пацан с понятием, а не какое-нибудь ссыкло…

Константин прямо сказал, что не чувствует себя подходящим для столь ответственного дела. Председатель криво усмехнулся – видно птицу по полету, а добра молодца по соплям.

«Ничего страшного, – утешал себя Константин по дороге в клинику профессора Оскаро?вского, где его ждало следующее «сватовство». – Первый блин должен быть комом, так положено. Лиха беда начало…».

Увидев, что профессорская клиника находится в подвале, провонявшем затхлостью и сыростью, Константин развернулся с порога и поехал в крупный медицинский центр, где требовался помощник руководителя. В его наивном понимании помощник был аналогом заместителя, но оказалось, что директору нужен именно помощник, в обязанности которого входило отвечать на звонки, встречать и провожать гостей, варить кофе и вообще делать все, что нужно. Масляно-приторный взгляд директора и то, как томно облизывал он белесым языком свои толстые губы, давали понять, что границы «всего, что нужно», простираются неимоверно далеко. Чур нас, чур!

Филиал европейской клиники оказался вагончиком, стоявшим во дворе железнодорожной поликлиники на станции Лосиноостровская. Из врачей здесь были только стоматолог и «узист».[15 - Жаргонное название врача ультразвуковой диагностики.] Сюда действительно требовался энергичный и инициативный руководитель, поскольку у клиники не было ни кассового аппарата, ни каких-либо разрешительных документов.

– Бамажки-мумажки – это фигня, главное уметь с людьми общаться, – рассуждал владелец клиники, небритый, помятый и весь какой-то заторможенный восточный мужчина. – У того, кто умеет дружить, проблем не бывает…

«У того, кому хватит ума на то, чтобы не связываться с тобой, их тоже не будет», подумал Константин и отругал себя за недальновидность – уж можно было бы догадаться, что по такому адресу, на окраине столицы, да еще и возле

железнодорожной станции, никакая европейская клиника открывать филиал не станет.

Вишенкой на торте стал крупный медицинский центр в Ховрино, искавший административного директора. Центр располагался в трехкомнатной квартире панельной девятиэтажки и работало здесь аж два стоматолога! Слово «директор» в названии вакансии было лишним, поскольку сюда требовался обычный администратор, ведущий запись пациентов и выписывающий квитанции. Но здесь, по крайней мере, был довольно приличный ремонт и приятно пахло какой-то цветочной свежестью.

Домой Константин возвращался в таком поганом настроении, которое требовало немедленной коррекции, иначе велик был риск испортить вечер любимой женщине. Для поправки настроения Константин заехал в ресторан «Закарпатские узоры» за «сладким допингом», так он называл торты и пирожные. Заодно прихватил и пару бутылок вина – гулять, так гулять!

– Тебя можно поздравить?! – обрадовалась любимая женщина, увидев стол, в центре которого красовалась «Прага». – Куда ты устроился?

– Пока никуда, – скромно ответил Константин. – Вариантов много, нужно хорошенько подумать.

– А у нас нет эндокринолога, представь! – «богадельня» уже стала у Женечки «нашей». – Меня пока посадили к невропатологу, но если ты…

– У меня пока другие приоритеты, – осадил ее Константин и тут же переключился со своих проблем на Женечкины. – А как невропатолог? Ничего?

– Старая унылая тетка, – вздохнула Женечка. – Коммунистка, активистка, идиотка… Но, в целом, нормальная.

Больше всего Константину нравилась в Женечке ее оптимистическая жизненная позиция. Все не так, как хотелось бы, но, в целом, нормально. И это правильно. Ведь если сильно углубляться во «все не так», то жизнь покатится под откос.

Комом вышел не только первый блин, но и вся первая неделя поисков работы пошла насмарку. Большинство мест, в которые пытался «свататься» Константин, оказывались мутными, стремными или заведомо невыгодными. Ну а если попадалось что-то приличное, вроде заведования отделением в австрийском медицинском центре на Новом Арбате, то там находили к чему придраться. Одним не нравилось, что Константин после защиты диссертации пошел по административной линии, других настораживал его стремительный карьерный взлет и недолгий стаж работы в последней должности, и почти каждый собеседующий усмехался или недовольно кривил губы, узнав о том, где учился кандидат. По поводу своей альмушки[16 - Жаргонное название учебного заведения, образованное от латинского «alma mater» – «мать-кормилица».] Константин не заблуждался. Он прекрасно сознавал, что закончил далеко не самый престижный и не самый «качественный» медицинский вуз Советского Союза. Но и не самый худший. Так себе – серединка на половинку, ближе к тому концу. Но зачем «упираться рогом» в вуз? Не лучше ли пообщаться с соискателем и определить уровень его знаний? Однако же экзаменов Константину никто не устраивал. Лишь однажды главный врач поликлиники Литфонда попросил написать фразу: «На террасе с балюстрадой, заставленной глиняной и алюминиевой посудой, привилегированным гостям предлагали фаршированное анчоусами бланманже в шоколаде». Послушно записав этот бред, Константин позволил себе заметить, что для него, вообще-то, русский язык является родным.

– Я это понял по вашей фамилии, – ответил главный врач. – Но диктант никак не связан с вашим самаркандским происхождением. Просто у меня такое правило. Грамотность – лучший индикатор умственных способностей человека. По-хорошему, надо бы сочинением озадачивать, как в Древнем Китае, но на это нет времени.

– Поликлиника Литфонда! – понимающе усмехнулся Константин.

– Литфонд здесь не при чем! – возразил главный врач. – Половина нашего контингента в слове «еще» четыре ошибки делает. Графоманство не является гарантией грамотности. Это мое личное правило.

И ни одной ошибки в диктанте не сделал, и пообщался с главным хорошо, а в конце услышал привычное: «к сожалению, вы нам не подходите» (в девяносто пятом году нейтральное «мы вам позвоним» еще не укоренилось в обиходе).

– Позвольте узнать почему? – спросил Константин и тут же пояснил. – Я не торгуюсь и не навязываюсь. Мне просто любопытно.

– В каждом из нас заложено стремление к прогрессу, – сказал главный после небольшой паузы. – Вы же работали начмедом, а сейчас претендуете на должность заведующего отделением, то есть сознательно идете на понижение. Значит, с вами что-то не так. Что-то у вас не в порядке.

Хорошо, что у Константина все было в порядке с воспитанием, спасибо бабушке и маме. Вместо того, чтобы спросить: «Что же ты, сукин сын, голову мне морочил и на собеседование приглашал, если я тебе свой анамнез рассказал сразу же, по телефону?», Константин вежливо попрощался и ушел, мягко закрыв за собой дверь, которой очень хотелось хлопнуть.

Выйдя из поликлиники, глотнул сырого ноябрьского воздуха и сразу же успокоился. Несмотря на заведомо запрограммированный отказ, встреча оказалась полезной – идею с диктантом явно стоило взять на вооружение, только фразу подобрать более заковыристую.

«Ты сам сначала хоть куда-нибудь устройся, а потом уже мечтай о том, как станешь людей нанимать», поддел внутренний голос.

Насчет «хоть куда-нибудь» голос был прав. Амбициозный молодой человек, прежде претендовавший на руководящие должности, был готов устроиться «хоть куда-нибудь», кроме районной поликлиники и приемного отделения стационара. Но если поиски работы затянутся до января, то…

– Вам еще требуется эндокринолог? – спросил Константин у Женечки, едва войдя в прихожую.

– Требуется! – просияла Женечка. – Ты таки решил?

– Одного моего решения мало, – улыбнулся Константин. – Как говорится в том анекдоте: «осталось уговорить невесту».

– Не могу представить, чтобы тебя не взяли, – щебетала Женечка, помогая Константину снять намокшую от дождя куртку. – Администрация просто

вешается без эндокринолога! У нас же ведомственное учреждение, можем направлять на консультации только в свои конторы. В последний раз удалось договориться в восемьдесят третьей медсанчасти на Красногвардейской. Прикидываешь концы?

– Да уж! – хмыкнул Константин. – Проще в районную…

– А там надо за талоном в шесть утра очередь занимать и не факт, что получишь. Всех отправляют к участковым терапевтам, но это же не выход!

– Не выход, – согласился Константин.

В принципе, терапевтам положено разбираться в эндокринологии, ведь далеко не в каждом медицинском учреждении есть эндокринолог. «Но одно дело разбираться, а другое – понимать», как говорил начальник военной кафедры полковник Алибабаев. В Центр эндокринологии часто попадали пациенты, которых запустили терапевты. Гормоны – дело тонкое, даже очень.

– К тому же сотрудникам завода нельзя брать больничные на стороне, – продолжала Женечка. – Это не приветствуется. Ну, разве что, если на дом вызвал участкового, однако продлевать нужно только в медсанчасти… Что ты хочешь? Режимный завод!

У медсанчасти режимного завода «Гроза» было два больших недостатка и два условных достоинства.

Нахождение на территории с ограниченным допуском делало невозможным коммерческую деятельность. Но любимая женщина рассказала, что медсанчасть находится сразу же за воротами, возле здания заводской администрации. Константин подумал, что, в случае чего, забор можно передвинуть таким образом, чтобы в учреждение можно было бы без проблем войти с улицы. А задняя дверь пусть выходит на заводскую территорию, чтобы сотрудникам не делать каждый раз крюк через проходную. У задней двери можно поставить турникет и посадить охранника, чтобы враги, замаскировавшиеся под коммерческих пациентов, не смогли бы проникнуть на территорию секретного завода. Все это организовать несложно, было бы ради чего стараться.

Вторым недостатком был трудовой коллектив, на девять десятых состоящий из ярых коммуняк предпенсионного и пенсионного возраста. При социализме они жили – не тужили, ни в чем отказа не знали, а сейчас жизнь уже совсем не та… С такими людьми светлого коммерческого будущего не построить, потому что, во-первых, они являются принципиальными противниками любой коммерции, а, во-вторых, не могут нормально общаться с уважающими себя пациентами. Впрочем, незаменим у нас только Ленин – если убрать его из Мавзолея, то взамен положить некого. Все остальные заменимы. Если поставить дело на правильные рельсы, то в правильных сотрудниках недостатка не будет. Проблема решаемая.

Первым условным достоинством было ухудшение финансирования медсанчасти. Если в прежние времена деньги давались по принципу «сколько нужно», то сейчас денежный поток существенно оскудел. Премии съежились, бесплатные путевки в санатории, прежде доступные любому сотруднику, теперь получали только избранные и вообще все стало хуже. Медсестры выезжали за счет внедренного еще при социализме бригадного подряда, позволявшего получать более двух ставок. Так, например, Женечка получала полторы медсестринские ставки и ноль семьдесят пять санитарской, за то, что убирала кабинет невропатолога и прилегавшую к нему часть коридора. Кроме того, главная медсестра ежемесячно выписывала всем сестрам, кроме провинившихся, премии в размере половины сестринского оклада. Более-менее ничего, особенно для тех, кто живет рядом. Положение врачей было хуже – между ними не делили санитарских или сестринских ставок, премии им выплачивались копеечные и возможностей для совмещения у них было меньше. Дискриминация типичная для советского общества, в котором рабочий получал втрое больше инженера.

Если сверху в мозолистые ладони падает все меньше и меньше денег, то рано или поздно администрации придется задуматься о том, где бы чего заработать, так что определенная перспектива в атомной богадельне имелась.

Вторым достоинством было длительное отсутствие полноценного главного врача. С февраля прошлого года медсанчастью руководил бывший заместитель главного врача по клинико-экспертной работе, пребывавший в ранге исполняющего обязанности. При этом, как рассказывала Женечка, человек был непьющим и ответственным, однако же вот – утверждать его не спешили. Почему? Потому что не хотят. Одно из двух – либо у верховного заводского начальства есть к нему серьезные претензии личного характера, либо наверху никак не могут определиться с кандидатурой, вот и заткнули пока дырку «временщиком». Короче говоря, тут есть над чем подумать. Надо внедряться и

изучать расклады. Женечка в этом трудном деле помочь не может – не тот у нее склад ума, чтобы тайные ходы мастей просекать. Максимум, на что она способна, так это спросить у главной медсестры: «А почему Анатолий Васильевич второй год в исполняющих обязанности сидит?». А та ей на это ответит: «Потому что!». Вот и весь разговор.

В жизни часто так случается, что человек ищет счастья где-то далеко, не видя того, что находится у него под носом. А когда прозреет, то удивляется – ну как же это я раньше не дотумкал?

На второй день работы в медсанчасти, устроиться в которую удалось гладко-быстро, Константин выяснил, что местная медицина подчинена заместителю генерального директора научно-производственного объединения (проще говоря – завода) по финансам и экономике. С одной стороны это выглядело странно, а с другой внушало определенные надежды, поскольку всегда выгодно иметь дело с тем, кто непосредственно распоряжается деньгами. Но еще бо?льшие надежды внушило имя большого человека, которого звали Шарифом Насировичем Бурхановым. Не то узбек, не то таджик, но все равно земляк.

– Что ты мне не сказала, что у зама по финансам фамилия Бурханов? – мягко упрекнул Женечку Константин.

– А надо было сказать? – удивилась она. – Ну, Бурханов и Бурханов. Знакомый, что ли?

«Когда везет, то и петух нестись станет», говорила бабушка. У главной медсестры медсанчасти Константин раздобыл брошюру «Шестьдесят славных лет», изданную в 1989 году по поводу очередного заводского юбилея. Сей опус был ценен тем, что в нем содержались краткие биографии всего высшего руководства, вплоть до главного бухгалтера. Оказалось, что Шариф Насирович не просто земляк, а земляк в квадрате – родился в Самарканде, окончил механико-математический факультет местного университета и (о, счастье-счастье!) три года проработал учителем математики в тридцать третьей школе… Не иначе, как по распределению туда угодил. А в этой школе работала библиотекарем тетя Асмира, мамина подруга и однокашница.

Разумеется, узнав от мамы о том, что ее Костик работает вместе с Шарифом Насировичем, тетя Асмира попросила передать тому привет. «Кашу маслом не

испортишь», решил Константин, и добавил к привету «гостинец» – два кило отборнейшей янтарной кураги, купленной на Даниловском рынке, и бутылку вина «Гулякандоз» самаркандского производства (ничего другого аутентичного у проводника ташкентского поезда не нашлось).

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сюзьма (в дословном переводе «сцеженное») – традиционный кисломолочный продукт многих тюркских народов, похожий на мягкий творог.

2

Главный герой популярного в советское время трехсерийного телевизионного фильма «Дни хирурга Мишкина», снятого по повести Юлия Зусмановича Крелина «Хирург».

3

Джуда яхши – очень хорошо (узб.).

4

Жаргонное название Российского университета дружбы народов, с 1961 по 1992 годы носившего имя конголезского политика Патриса Лумумбы.

5

Виктор Каренович Оганезов, «Родословная».

6

А писал он следующее: «Безалаберный! Ты ничего не пишешь мне о 2100 р., мною тебе должных, а пишешь мне о M-me Kern, которую с помощию божией я на днях у…б». (Письмо С. А. Соболевскому, вторая половина февраля 1828 года).

7

Имеются в виду денежная и др. экономические реформы, проведенные в 1991 году премьер-министром и министром финансов СССР Валентином Павловым по указанию Президента СССР Михаила Горбачева.

8

Липолизом называется процесс расщепления жиров под действием особых ферментов.

9

Полинейропатией называется распространенное поражение периферической нервной системы, а циститом – воспаление слизистой оболочки мочевого пузыря.

10

Жаргонное название должности заместителя главного врача по медицинской части.

11

Намек на популярный в то время бразильский телесериал «Рабыня Изаура».

12

Вуз, в котором училась Ника и который она называла «инязом» полностью назывался Московским государственным институтом иностранных языков имени Мориса Тореза, бывшего генеральным секретарем Французской коммунистической партии с 1930 по 1964 годы.

13

Панкреонекрозом называется омертвление тканей поджелудочной железы. Провоцируется жирной едой в сочетании с большим количеством спиртного.

14

Последний довод королей (лат.).

15

Жаргонное название врача ультразвуковой диагностики.

16

Жаргонное название учебного заведения, образованное от латинского «alma mater» – «мать-кормилица».

Купить: https://tellnovel.com/andrey-shlyahov/glavvrach

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити